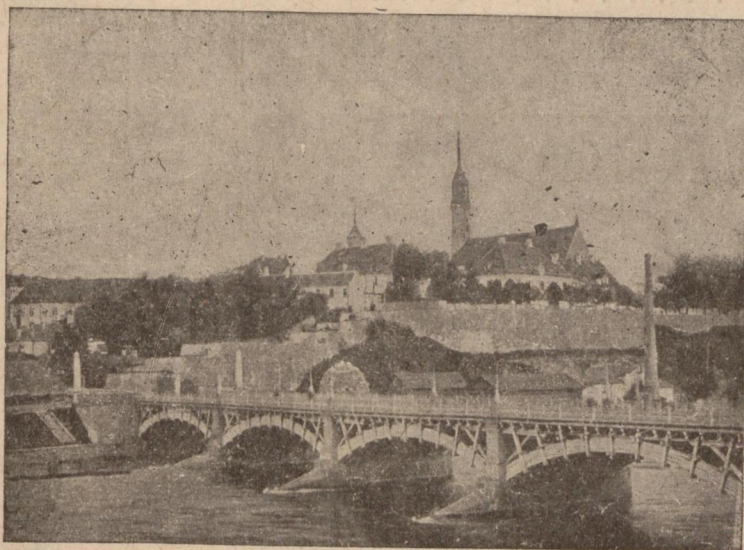

1-ый годъ изданія.

Цѣна 50 центовъ.

ПОЛЕВЫЕ ЦВѢТЫ

Литературно-общественный
журналь.

№ 1.

Нарва.

Июль 1930.

Spetsiaalno, fano

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

Содержаніе:

1.	„Полевые цвѣты“ — стихотвореніе А. и Г. Егоровыхъ	1.
2.	Передовая	1.
3.	Русь — стихотвореніе Н. Черная	2.
4.	Богоотступникъ — разсказъ Влад. Гущика	2.
5.	Хочу — стихотвореніе Леопольда Аксъ	3.
6.	Дитя улицы — стихотвореніе Леопольда Аксъ	3.
7.	** — стихотвореніе Н. Баранова	4.
8.	Мать — разсказъ В. Никифорова-Волгина	4.
9.	Мансарда — стихотвореніе Евгенія Клеверъ	6.
10.	** — стихотвореніе Евгенія Клеверъ	6.
11.	Тиранъ — разсказъ Бориса Свободина	6.
12.	Порнографія мысли — стихотвореніе Леопольда Аксъ	8.
13.	** — стихотвореніе Бориса Вильде	9.
14.	Родные огни — этюдъ В. Никифорова-Волгина	9.
15.	** — стихотвореніе Бориса Таго	10.
16.	Пепель — сказка Зеньковскаго	11.
17.	** — стихотвореніе Л. Виснапу	12.
18.	Русское крестьянство въ Эстоніи — статья Сергѣя Кленскаго	13.
19.	Королевъ — стихотвореніе Бориса Свободина	14.
20.	„День Русской Культуры“ въ Эстоніи	15.
21.	На рубежѣ — бытовые зарисовки В. Волгина	20.
22.	Жизнь Нарвы	21.
23.	Книга	23.
24.	Почтовый ящикъ	23.

**Оптово-розничная
мануфактурная торговля**

Г. М. РУМЯНЦЕВЪ

Нарва, Вышгородская ул. 19.

Телефонъ 164.

Отдѣленіе:

Почтамская ул. 73.

SP, Xc 7766

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Литературно-общественный журналъ.

Подъ редакціей В. Никифорова-Волгина.

Отвѣтственный редакторъ Л. Аксъ.

Подписку и всю корреспонденцію просить направлять на имя секретаря редакціи Helene von Dehn, по адресу: Eesti. Narva. Kiriku tän. 12-a, 4.

№ 1.

ІЮЛЬ
1930 г.

Riigiraamatukogu

SP, 6337

Fr. B. Krentzweid mmi.
Eesti ISV Kirjandus

AR EESTI RAHVUS-RAAMATUKOGU

„Полевые цветы“.

И за яркія краски и пестроту узора
И молитву надъ сказкой малютки — весны,
И за праведность души, и за ласковость взора
Я безумно люблю полевые цветы.

За идею, за слитіе мысли и чувства
И за каплю бальзама для русской души,
За молитву предъ богомъ родного искусства
Я привѣтствую Васъ „Полевые цветы“.

Ревель.

А. и Г. Егоровы.

Нарва, іюль 1930 г.

Наши „Полевые цветы“ — это тихая ласка, тихій привѣтъ, наизскромный сердечный даръ встѣмъ русскимъ, находящимся въ пути, встѣмъ усталымъ подъ бременемъ нашего странничества, встѣмъ възыскующимъ пресвѣтлаго, затвореннаго Китежа-Россіи.

Несмотря, какъ крестьянскія дѣти съ букетикомъ полевыхъ цветковъ, стояція въ солнечный день весенняго цвѣтенія на платформѣ захолустной станціи, мы также тянемъ свои полевые цветы въ запыленное окно вагона.

Мы надѣемся, что тихій привѣтъ нашего бѣднаго русскаго поля будетъ принятъ съ благодарностью и лаской. Вы приникнете своимъ усталымъ лицомъ къ нашимъ цветамъ и съ грустной радостью, можетъ быть, вспомните и насъ, и нашу маленькую станцію, и

родное поле, по которому ходили мы и собирали цветы для Васъ.

Бѣдные, не блестящіе красками, незатѣйливые цветы нашей поэзіи, нашихъ рассказовъ, нашихъ мыслей, чувствъ и думъ мы собрали съ поля русскаго рубежа.

Того рубежа, за которымъ такъ близка Россія, — такъ близка, дорогіе собратья, что если пойти за городъ, къ лѣсу, то можно услышать дыханіе Россіи въ печальномъ перезвонѣ русской сельской церкви, въ шелестѣ березъ, въ отголоскахъ далекой деревенской пѣсни.

Наши цветы зацвѣлованы нашей болью, тоской по ней... — Россіи крестной, печалью за встѣхъ насъ, находящихся въ пути, и върой въ побѣду солнца надъ черной ночью нашихъ русскихъ слезъ.

Русь.

Покосимся старушки - избенки на сторону,
Надъ церковкою ветхой летаютъ стрижи,
Въ небесахъ облака блымыъ призрачнымъ городомъ,
И дорожками вдаль убъжали межи.

Вьется рѣчка въ кустахъ съ камышами, съ
[купавами,
Съ бахромою мѣсовъ въ темно-синей дали,
Съ заливными мурами, съ душистыми травами
И съ убоимъ мосточкомъ въ дорожной пѣли.

Это ты, моя Русь! Ты все та же избяная,
Та же спряя, скорбная, съ вѣчной тоской,
То разумная, дикая, буйная, пьяная,
То святая подвижница съ тихой свѣчей.

Ты все та же: и казни злодѣя и вора
Не сломим тебя безпощадной грозой,
Лишь избенки совсѣмъ повалимъ на сторону,
Да церковка омылася чистой слезой.

Кикерсъ.

Н. Чернай.

Богоотступникъ.

Посв. В. Волгину.

Въ избѣ было жарко и душно. Въ окно глядѣлись июньскія сумерки поздняго лѣтняго вечера. Въ голубой полутьмѣ комнаты ярко горѣла передъ кѣотомъ большая оранжевая лампада и отъ нея вѣяло уютомъ, тишиной и лаской.

Говорилъ коммунистъ Алексѣй, мужикъ лѣтъ сорока, а около него сгрудилось пятеро сельчанъ, да баба Лукерья, да баба Марфа Ильинишна. Мужики слушали молча, сосредоточенно, съ тоскливымъ выраженіемъ лицъ, какъ будто присутствовали при соборованіи близкаго человѣка, а бабы поминутно вздыхали, испуганно хватали другъ друга за руки и крестились.

— Смѣшно было! — говорилъ Алексѣй. — Не узнавалъ никого. Всѣ, какъ одинъ, отреклись. Хотъ бы кто изъ васъ чести набрался, взѣриль бы меня, показалъ бы всѣмъ кузькину мать. Отрекаешься? Нѣтъ, дескать, сволочь поганая, не отрекусь отъ Господа Бога! А то, — словно бы сговорились, — всѣмъ міромъ!..

— Нельзя было, — сказалъ сосѣдъ Алексѣя, — прижали вы насъ. Самъ же грозилъ послѣдніе портки отобрать.

— Грозилъ? А ты за портки Господа предалъ? Барахло! А ты выдержи! Взѣри, говорю, силъ дай! Ждалъ я отъ всѣхъ, отъ каждаго въ отдѣльности ждалъ, изнылъ, ждавши. Ну, ну, кто же не отрекется? Всѣ! „Не хотимъ попа! Не надо намъ церкви!“ А

косятся, душу скрываютъ, не показываютъ наружу, шерстью прикрыли, что волки. Злость меня взяла. Ужели всѣ отрекутся?! Всѣ!.. Посмотрѣлъ я на васъ и подумалъ: „луды! Предатели!“ Взглянулъ на Спасъ Нерукотворный, а мысли, что иглы: „Отреклись отъ Тебя! Бросили Господа. Прикажу, — плевать будутъ. Вотъ Твои богомолы, вотъ какъ Тебя любить! Заплюютъ ликъ Твой, лишь бы портки не отобрали!“ Вскипѣлъ весь. Земля подо мною стонетъ. Жилы окаменѣли.

— „Гришку!“ кричу, „Григорія Полотнова податы!“

— Каюсъ вамъ, каюсъ. Накалило меня, что руду. Чувствую, какъ кровь закипѣла, какъ по жиламъ забулькала. Вотъ она, подлость людская. Вамъ-ли помету собачьему, революцію дѣлать! Предатели окаянны! Дома впотъмахъ подъ тулупами лбы крестите, а за портки Христа предаете. Наворovali иконъ у господъ, что ни изба, то ризы золочены, лампады передъ краденымъ теплите и краденому о краденомъ молитесь...

— „Подайте,“ кричу, „Григорія!“ И слышу, — зашушукались: „старосту ему, старосту...“ Достали, ведутъ толстопузаго. Руки кушакомъ прикрутили, своему-то, вожатому, заступнику-то, старостѣ-то церковному, избранному-то міромъ. Вотъ, молъ, — сами де выбрали, сами и предаемъ. Эхъ, думаю, будь я на ихъ мѣстѣ, — гикнулъ бы, и въ ключья разорвалъ бы за Господа, А ведутъ. И кушакъ жгутомъ

скрученъ. А онъ еще наканунѣ у попа мужиковъ собиралъ. „Постоимъ“, говорилъ, „за церковь. Примемъ подвигъ погибели, а не предадимъ Господа, не закроемъ храмъ православыи!“ Зналъ я, все зналъ. Ваше же мужичье донесло. Дьяконъ его въ обѣ щеки цѣловалъ. Мужики кричали: „Побѣдоносцевъ! Не выдадимъ! Жарь ихъ, Григорій Кузьмичъ! Постоимъ за тебя!“ Не выдали.

И вотъ, стоитъ передо мною Григорій, въ землю глаза. „Слушай“, кричу, „отрекись, и ничего не возьму, въ кулакахъ оставлю, ни коровъ, ни лошадей, ни имущества не лишу. А не отрекешься, вотъ твоя смерти!“ И наганомъ въ упоръ. Курокъ взвелъ, жду. „Ну?“ „Отрекаюсь“, говоритъ. „Отрекаюсь, не хочу храма!“ Сказалъ, словно плетью стеганулъ по сердцу. А за нимъ и вы всѣ, словно залаяли: „Отрекаемся! Не хотимъ храма!..“

Сосѣдъ Алексѣя хлопнулъ носомъ и, упершись глазами въ столъ, проронилъ:

— Апостолъ Петръ отрекся, а мы нешто Петры.“

— Сволочь вы! — прохрипѣлъ Алексѣй. — И Гришка не лучше. Обуяла меня злоба. „Эй, не лукавь, Побѣдоносцевъ, пулей ожгу!“ И опять: „Отрекаюсь!“ „А подвига хочешь?“ „Не хочу“ и дрожить самъ. Храмъ на шкуру мѣняетъ. Порожденье ехиднино, фарисей. А мысли, какъ живчики: „Предаютъ Тебя, Господи!..“ Въ глазахъ потемнѣло, не знаю, что говорю: „Застрѣлю, Побѣдоносцевъ, застрѣлю, Гришка! Хитришь! Плюй въ Нерукотворный Спасъ! Эй, плюй, или смерти!“ И самъ отвернулся. Не вѣрилъ, что до такого дойдетъ

человѣкъ. И, слышу, вдругъ, плюнулъ. Смотрю, Ликъ испачканъ... и холодно стало, и злобы нѣтъ, и нѣтъ человѣка и одинъ оскорбленный, отверженный Спасъ. Вижу, и Митька косою, рябой, плюгавый, шапченка блиномъ, въ дыркахъ, просунулъ изъ толпы: „дозволь“, говоритъ, „и мнѣ плюнуть!“ Позже узналъ, что въ совѣтѣ вѣялку кланчилъ, за вѣялку и плюнуть хотѣлъ. А я еще думалъ: „Плунетъ Григорій, разможду ему голову!“ И вотъ, сталъ онъ противень, какъ вша. Отшвырнулъ наганъ, всталъ на колѣни, вытеръ Ликъ Спаса и плакать хочу и слезъ нѣтъ. Совершилъ Господь чудо. Принималъ Онъ въ храмъ нашъ митингъ и они предали Его за имущество, за жизнь, за коровъ, за портки, а, предавъ Его, вернули Ему послѣдняго пса. „Иди, говорю, Григорій. Молись своей живности, кланяйся въ поясъ коровъ!..“

— И вотъ пришелъ къ вамъ. Знаю, что скоро возьмутъ, что вы-же кушакомъ руки скрутите. Замкнулся кругъ и остался въ немъ Нерукотворный и коммунистъ Алексѣй. А какъ это вышло? Почему такъ? Почему вы предали, а я нашель Спаса?..

Въ избѣ стало совсѣмъ тихо. Слышно было, какъ въ клѣти закудахтали куры.

— Ну, что-жъ, прощенія просимъ! — сказалъ Алексѣй и, низко поклонясь, вышелъ.

Мужики сидѣли попрежнему молча, глядѣли зло и тоскливо, а бабы, блѣдныя и растеряныя, крестились на краденый господскій кюотъ, такъ уютно и ласково освѣщенный яркимъ свѣтомъ лампы.

Влад. Гуцикъ.

Хочу.

Слышать звуки балаалайки
И гармошку Кузьмича,
Хрипъ старой таратайки,
Запахъ ситца, кумача,
Звукъ мужицкой грубой рѣчи,
Споры, рюхи, стонъ коровъ,
Запахъ хлѣба съ русской печи
Я хочу почуять вновь.

Я хочу опять увидѣть,
Какъ ребята на луу
Загорѣле, босые
Кувякаются въ столу.
Какъ волнуется грѣхика,
Какъ кричить, объѣвшись, цусь,
Какъ дѣвчата пляшутъ лихо
И какъ тѣней пахнутъ Русь.

Я хочу опять утѣться
Этой мощной широтой
И, какъ прежде, помолиться
Передъ Богомъ — рѣкой.

Нарва.

Леопольдъ Аксъ.

Дитя улицы.

Съ душиныхъ подваловъ убогойной улочки,
Съ самыхъ окраинъ Москвы,
Помню я дѣвочку съ прозвищемъ „дурочки“,
Помните, можетъ, и вы.

Дѣвочка умиы - грязная, рваная,
Съ ворохомъ дикихъ мыслей;
Мать ея, женщина злая и пьяная,
Была ее не жалтй.

И какъ - то въ тихую майскую ноченьку
Женщина съ именемъ „мать“
Съ смѣхомъ погнала избитую доченьку
Тьломъ своимъ торювать.

Взяла ее слесарь за денежки тѣдныя
Въ чьемъ - то сараѣ безъ дровъ..
На небъ наило стѣямся блѣдныя
Звѣзды... и не было словъ.

Въ душномъ подвалѣ убогойной улочки,
Домо той ночью въ углу,
Плакала дѣвочка съ прозвищемъ „дурочки“,
Лежа, на грязномъ полу.

Копель.

Леопольдъ Аксъ.

* *
* *

Нѣту тѣсенъ и тѣтъ мнѣ не хочется,
Да и тѣтъ для кого и зачѣмъ,
Коли въ душу иное мнѣ просится,
Коли сылетъ иная цвѣтень?

Нѣту тѣсенъ, а мать мнѣ не хочется, —
Мы и такъ все виновны во лжи;
Пусть же выльется то, что лишь просится,
Въ повѣчернія пѣсни мои.

Ниче въ жизни мы все потерялись, —
Незамѣтенъ и пошелъ нашъ взглядъ;
Все ушло, съ чѣмъ мы раньше считались,
Лишь остался мишурный нарядъ.

Улыбаться — жѣ улыбочкою хлесткою
И похабно смѣяться, какъ все...
Нѣтъ, ужъ лучше бы быть мнѣ березкою
На далекой, родной сторонѣ.

Принуждать же себя мнѣ не хочется
И казаться какимъ то другимъ;
Пусть же выльется то, что лишь просится,
Непорочнымъ, красивымъ, святымъ.

Нарва.

Н. Барановъ.

Мать.

Посвящаю М. В. Гольцу.

Среди русскихъ степей, во время гражданской войны, былъ убитъ ея единственный голубоглазый, похожий на дѣвушку, сынъ Валентинъ. Въ годовщину его смерти, въ дни поминовенія усопшихъ, въ березовый праздникъ Св. Троицы, и такъ, когда особенно загрустить сердце, она брала мѣшочекъ съ зернами и шла вмѣстѣ съ другими на кладбище.

Садилась у чьей-нибудь заброшенной могилы и погружалась въ черныя глубины материнской тоски.

Она такъ близко чувствовала своего родимаго, что ей порой казалось, что онъ лежитъ не среди степи, а здѣсь, подъ этимъ крестомъ, и тогда она начинала ухаживать за чужимъ холмикомъ, словно за своимъ, вырывать сорную траву, выметать мусоръ и сыпать на могилу поминальные зерна. Если мимо проходили люди и обращали на нее вниманіе, то это ее радовало горькой радостью: „пусть думаютъ люди“, — улыбалась она безъ улыбки, — „что и у меня, какъ у многихъ, есть родная могилка“.

До поздняго вечера она любила ходить по кладбищу. Подолгу останавливалась у могилъ и, обнявъ крестъ, немигающими, широко раскрытыми глазами смотрѣла въ одну точку и затаенно прислушивалась къ своей боли. Боль была невыносимой и страшной по своей остротѣ. Чтобы чѣмъ нибудь утолить ее,

забыть, она старалась вслушиваться въ гудѣніе вѣтра, останавливать свой взглядъ на придорожныхъ цвѣтахъ, слѣдить за полетомъ птицъ и смахивать съ крестовъ пыль, — но боль не проходила.

Мать начинала молиться, но и молитва не утоляла ея скорби.

Вся въ черномъ, вся скорбная до тончайшихъ складокъ ея траура, она до усталости, до головной боли металась изъ одного угла кладбища до другого, изъ одной аллеи въ другую.

Когда приходили сумерки и на кладбищѣ становилось безлюднѣе и тише, она выходила за кладбищенскія стѣны, разбрасывала по полю зерна птицамъ на поминки и тонкой блѣдной рукой крестила ту сторону, гдѣ лежала Россія, далекая степь и безымянная, безкрестная могила Валентина.

Если съ русской стороны дулъ вѣтеръ, то матери казалось, что этотъ вѣтеръ пробѣгалъ по степи и отдыхалъ на могилѣ сына. Она шла навстрѣчу вѣтру, подставляла ему лицо и руки и улыбалась, и плакала, и безконечное число разъ повторяла родимое имя.

Вѣтеръ взвивалъ на ея головѣ трауръ. Изъ подъ черной старомодной шляпки выбивались сѣдые волосы.

Любимымъ занятіемъ матери было перебирать Валечкины вещи.

Всѣ вещи, которыя принадлежали ему отъ рожденія до юности.

Она занавѣшивала окна, запирала дверь и съ тихой ласковой бережностью вынимала изъ сундука „крестильныя ризки.“

Разглаживала складки крохотной бѣленькой ткани и молча прятала въ ней свое лицо.

...Вотъ его туфельки съ маленькими стоптанными каблучками, и на нихъ частицы земли.

— Маленькими ножками бѣгаль Валечка въ этихъ туфелькахъ по нашему саду и до меня доносился его смѣхъ. Я украдкой смотрѣла на него и меня охватывала лучистая радость — радость отъ того, что это мой сыночекъ бѣгаетъ по землѣ, моя душа, моя боль! Ножками своими топъ-топъ, а вокругъ яблони въ бѣломъ цвѣту, весеннее душистое солнышко и вѣтерокъ, развѣвающий бѣлые кудри маленькаго сыночка.

...Школьный ранецъ. Тетради съ его каракульками, заржавѣвшій перочинный ножикъ и букварь „Святель“. На обложкѣ букваря надпись его рукой: „Кто возьметъ сію книгу безъ спроса, тотъ останется безъ носа“. Черная школьная тужурочка и въ карманѣ ея камешки для игры.

...„Свидѣтельство объ успѣхахъ и поведеніи“ — успѣхи хорошіе, а поведеніе — четверка съ плюсомъ.

— Родименькій мой шалуны! — всхлипывала мать, роняя слезы на пожелтѣвшую отъ времени бумагу. — Весь ты передо мною: худенькій, лукавый, съ задорными вихрами на головкѣ, перепачканный чернилами.

...Гимназическая шинель. Портсигаръ изъ карельской березы. Тетрадошка грустныхъ юныхъ стиховъ. Въ тетрадоchkѣ засохшіе ландыши и подъ ними написано:

„Ландыши подарила мнѣ Людмила 24 мая“.

Всѣ эти памятки наполняли душу матери большимъ страданіемъ, но въ этомъ страданіи она находила и сладость, — мучительную и острую.

Однихъ вещей, къ которымъ не любила прикасаться мать и прятала ихъ въ укромные углы — были вещи, связанные съ военнымъ періодомъ Валечкиной жизни.

Все говорило за то, что сына ея нѣтъ въ живыхъ, но временами она вѣрила въ какое-то непостижимое чудо — встрѣчи съ нимъ. Бывали моменты, особенно ночами, когда ей слышались знакомые шаги по лѣстницѣ. Долго, долго, затая дыханіе, она ждала, что вотъ-вотъ распахнется дверь и въ комнату вбѣжитъ ея Валентинъ, но никого, кромѣ ночи, звѣздъ и шопота черной тишины.

Приходили поминальные дни и мать по-прежнему служила панихиду, шла на чужое кладбище, глубокими сумерками выходила за кладбищенскія стѣны и крестила ту сторону, гдѣ лежала Россія, степь и безымянная, безкрестная могила Валентина.

— Нѣтъ Валечки! — скорбно говорило одно чувство. — Придетъ Валечка! — звенѣло другое чувство.

Два чувства были равноцѣнны по своей убѣдительности и силѣ, но голосъ послѣдняго наполнял ея счастьемъ, музыкой и вѣрой въ чудо.

Однажды, въ періодъ ея особенной вѣры въ близкое свиданіе съ сыномъ, она встрѣтила на улицѣ человѣка, до такой степени похожаго на ея Валентина, что она, не помня себя отъ безумной радости, бросилась къ нему съ крикомъ:

— Валечка! Родимый мой!

Но когда присмотрѣлась къ нему, то увидѣла, что она ошиблась...

Послѣ этой встрѣчи она особенно затосковала. Каждый день, во всякую погоду, она выходила на улицу въ надеждѣ встрѣтить его, такъ похожаго на ея сына, и не могла найти.

Осеннимъ днемъ она вышла на прежніе поиски. Встала на томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ лѣтнимъ днемъ повстрѣчалась съ нимъ, и ждала его до поздняго вечера.

Мимо ищущей, тоскующей матери пробѣгало много людей. Она вглядывалась въ ихъ лица пылливо и скорбно, но его найти не могла.

Прошло много томительныхъ часовъ. На осенній городъ падалъ тяжелый черный вечеръ. Въ городѣ зажглись огни, и пошелъ дождь. Зашумѣлъ осенній льдистый вѣтеръ. Въ рваные башмаки матери просачивалась вода. Вѣтеръ сорвалъ съ нея платокъ и бросилъ въ лужу, но мать ничего не чувствовала, только одну боль, только одну жажду повидать его... такъ похожаго на ея сына.

Ночныя тѣни заплетали тихій черный городъ. Всѣ улицы опустѣли и гдѣ то были бездомныя собаки.

Вся въ черномъ, вся скорбная до тончайшихъ складокъ траурной одежды, она стояла на пустынной, вѣтренной улицѣ одинокой пылающей свѣчей и ждала... Когда угасла послѣдняя искорка надежды, въ сердце матери вошла, вдругъ, такая огромная тоска, что хрустально-хрупкія стѣнки бѣднаго человѣческаго сердца не вмѣстили ея, и сердце разорвалось...

Мать упала на грязную осеннюю мостовую и на ея маленькое утихшее тѣло падали слезы осенняго черного неба.

Нарва.

В. Никифоровъ-Волгинъ.

Мансарда.

Внизу — музейный городок
Застылъ въ спокойствіи травиоры.
Переступи, мой другъ, порогъ
И отдохни отъ жизни — бури.

Взгляни, какъ наверху ясна
Вечерняя прозрачность неба,
И раскрываетъ тишина
Неосмыляющую небль.

И, какъ хвала, собора штиць.
За эту акварель безстрастья,
Не вспоминай забытыхъ лицъ
Я счастливъ отъ... незнанья счастья!

Евгеній Клевверъ.

* *
* *
* *

Все пройдетъ. И минувшіе дни
Будутъ сниться, какъ странная небль.
А ночами все ть же они
На широко́мъ прояснѣвшемъ небль...

И въ морозную тихую ночь
Кто нибудь повторитъ эту повесть.
И въ морозную тихую ночь
Это будетъ, какъ нѣжная новость.

Ахъ, бѣ сянны молчащихъ снговъ
Даже самый урюмый и грубай
Скажетъ нѣсколько ласковыхъ словъ
И приблизитъ горящія губы.

Нарва.

Евгеній Клевверъ.

Тиранъ.

Когда „тиранъ“ засыпалъ, вся жизнь въ домѣ Гололобовыхъ замирала.

— Тсъ! — раздавалось цыканье Анны Петровны, ходившей по комнатамъ на цыпочкахъ въ однихъ штопанныхъ перештопанныхъ американскихъ шерстяныхъ чулкахъ и охранявшей праведный сонъ и покой своего благовѣрнаго.

И всѣ присутствующіе вторили ей:

— Тсъ... тсъ!..

Это цыканье продолжалось все время, пока Иванъ Степанычъ Гололобовъ, глава семьи и „тиранъ“, какъ окрестила его супруга въ воздаяніе за совмѣстную пятнадцатилѣтнюю жизнь въ вѣчныхъ заботахъ и беспросвѣтной нуждѣ, не начиналъ подавать признаковъ пробужденія — откашливаться, сморкаться, кряхтѣть, позѣвывать, ворчать и чертыхаться, — смотря по настроенію.

Тогда жизнь въ семьѣ Гололобовыхъ снова входила въ свои незыблемыя права, и каждый изъ ребятишекъ считалъ необходимымъ придумать какой-нибудь сногшибательный атракціонъ.

Самою же излюбленною игрою ихъ была игра въ скотный дворъ: старшій сынишка, двѣнадцатилѣтній школяръ Кока изображалъ быка, Надя — корову, Вѣрочка — овцу, Костя — барана, а маленькій Ванюша — поросенка. По распредѣленію ролей, всѣ, по командѣ Коки, начинали хоромъ мычать, блеять и хрюкать.

Если къ этому концерту присоединить еще непрерывное трещанье канарейки и завываніе Анны Петровны подъ аккомпаниментъ шипящаго примуса, напѣвавшей какой то старомодный, какъ и ея прическа и платье, романсъ, то иллюзія семейнаго очага и рая получится полной.

И весь этотъ звѣриный вой и гамъ, птичій пискъ, дѣтскій смѣхъ и шумъ врывались въ спальню Ивана Степаныча вмѣстѣ съ шипѣньемъ примуса, романсами Анны Петровны и кухоннымъ чадомъ, какъ бурный потокъ живой, торжествующей жизни.

Когда Иванъ Степанычъ просыпался въ добромъ расположеніи духа, онъ, уже привыкшій къ этимъ звѣринымъ концертамъ, только посмѣивался въ свои, свѣсившіеся шваброй и пропитанные табакомъ, усы и, покуривая, добродушно ворчалъ:

— Н-да, вотъ тебѣ и семейный очагъ, чортъ бы его побралъ совсѣмъ! Бѣдламъ — да и только! И есть же на свѣтѣ еще такіе идиоты, которые женятся и плодятъ дѣтей. Налогъ бы съ нихъ, подлецовъ, сдирать надо покрупнѣе въ пользу холостыхъ или просто сажать въ дома для умалишенныхъ, хе-хе-хе...

Но, избави Богъ, если Иванъ Степанычъ былъ не въ духѣ или въ солидномъ винномъ трансѣ по случаю какихъ-нибудь именинъ, рожденья, крестинъ, а еще того хуже — помолвки или свадьбы.

Тогда онъ вскакивалъ съ кровати и съ налитыми кровью глазами на красномъ, какъ кумачъ, лицѣ и съ поэтически взъерошенной шевелюрой бомбой вылеталъ изъ спальни и, сыпля направо и налево щедрые подзатыльники и шлепки, кричалъ:

— Будеть-ли, чортъ возьми, когда нибудь конецъ этому безобразію или нѣтъ?! Маршъ по мѣстамъ, каналы, и не пискнуть, а то всѣхъ до смерти перепорю! Пар-шив-цы... Брысь!

Перепуганная дѣтвора разсыпалась горохомъ — кто куда. Котенокъ Васъ-Васъ, его бѣлолапчатый любимецъ, чайвшій примурлыкаться къ нему, неожиданно получалъ пинка

и летѣлъ кубаремъ, вструбивъ хвостъ, подъ кровать, а распѣвавшая на кухнѣ чувствительные романсы Анна Петровна такъ и застывала на мѣстѣ съ открытымъ ртомъ на высокой нотѣ и со сковородкой въ рукахъ надъ шипящимъ примусомъ.

— Началось... У-у, тиранъ! Всю душу мою испепелилъ, всю молодость угробилъ... Только и знала за пятнадцать лѣтъ брюхо, пеленки да подгузники, манную кашку да эти котлетки, будь онѣ трижды прокляты! — думала она, спустя минуту, когда „тиранъ“, наведя порядокъ, ложился снова на кровать и углублялся въ размышленія о бренности всего земного. — И есть же еще такіе дуры, которые выходятъ замужъ да ребятъ плодятъ! Утопить бы ихъ всѣхъ въ морѣ, что котятъ... А этимъ извергамъ мужьямъ, какъ съ гуся вода... У-у, тиранщи! На висѣлицу бы васъ всѣхъ, плотоядцы ненасытные!..

Такъ обычно начиналась прелюдія къ очередной семейной драмѣ, въ инсценировкѣ которой Аннѣ Петровнѣ могъ бы позавидовать любой неудачникъ-драматургъ или незадачливый режиссеръ.

И, натурально, послѣ такого переполоха картошка подавалась на столъ недоваренной, котлеты пережаренными и похожими на сморчки, соусъ пригорѣлымъ, тарелки, вилки, ножи и ложки швырялись на столъ со звономъ и трескомъ — съ неизмѣннымъ при этомъ шипѣньемъ не хуже примуса:

— Натѣ, жрите! Наплодила на свою шею бѣсенятъ паршивыхъ... всю молодость, всю красоту убила на васъ... У-у, обжоры! Только и вертись у плиты всю жизнь...

И — соответствующій утрожающій жестъ по направленію къ комнатѣ мужа.

— Подожди, тиранище, придетъ расплата! Будетъ и на моей улицѣ праздникъ, какъ подохнешь... Все наверстаю — сразу трехъ любовниковъ заведу, изъ шелковыхъ чулокъ вылѣзатъ не буду...

Бѣдныя дѣтишки робко и боязливо жались къ стѣнкѣ, къ кроваткамъ и къ стульямъ, смотря съ разинутыми рта и мигающими глазами, полными слезъ, на расходившуюся въ гнѣвъ мать и, запуганные, какъ зайчата, не знали, что имъ дѣлать — садиться ли за обѣденный столъ или лучше бѣжать безъ оглядки, не кушавши, на дворъ, чтобы не быть только свидѣтелями второго акта разыгравшейся драмы: разбитой посуды, ругани, а иногда и потасовки между родителями.

А „тиранъ“, запершись у себя въ комнатѣ и обхвативъ ладонями рано посѣдѣвшую голову, стоналъ:

— О, Господи, когда Ты только убереешь меня изъ этого бѣсовскаго ада! Осточертѣла мнѣ эта проклятая жизнь...

Такъ протекала послѣвоенная жизнь Ивана Степаныча Гололобова, когда-то незначительнаго таможеннаго чиновника, но катавшагося, какъ сыръ въ маслѣ, по Старой Руси въ сытости и довольствѣ, а теперь, въ эмиграціи, шатающагося съ поденщины на поденщину безъ брезганья даже самой черной, неблагодарной работой.

— И нѣтъ просвѣта этой проклятой жизни! — продолжалъ стонать Иванъ Степанычъ. — Эхъ, пойти развѣ тряхнуть, какъ слѣдуетъ, съ горя! Авось, полегчаетъ малость...

И онъ, нахлобучивъ полинялую, какъ и его совѣсть за эти годы, старую шляпу съ уныло отвисшими полями и рваное, выгорѣвшее пальтишко, уходилъ въ ближайшій шинюкъ.

— Опять? Зря я, что-ли, у плиты цѣлый день торчала?! У-у, аспидъ! Безъ проклятаго зелья дня прожить не можешь, — бросала ему вслѣдъ благовѣрная съ мучительно искаженнымъ лицомъ: — лучше назадъ и носа не кажи — убью, чѣмъ попало убью! Такъ и знай... Лучше въ каторгу пойду, чѣмъ такая жизнь несчастная. Без-со-вѣст-ный...

Иванъ Степанычъ на секунду-двѣ оставивался у порога въ нѣкоторой нерѣшительности и раздумьи, но, поразмысливъ и смѣривъ супругу насмѣшливымъ взглядомъ, хлопалъ дверью и быстро удалялся отъ дома по знакомой торной дорожкѣ туда, гдѣ забываются подъ виннымъ угаромъ и забота, и неудачи, и невзгоды, и муки, и уязвленное самолюбіе, и униженія, и насмѣшки, и издѣвательства судьбы надъ человекомъ...

Тоскливый и сѣрый, пустой и нудный, какъ жизнь Гололобова, осенній день смѣнялся такимъ же жалкимъ и бессмысленнымъ вечеромъ и незамѣтно, часъ за часомъ, подкрадывалась всепримиряющая ночь, прикрывая своимъ чернымъ непроницаемымъ пологомъ всю дневную безтолочь и тщету шумной ярмарки людской жизни...

Иванъ Степанычъ, пьяненькій и умиротворенный, возвращался неуверенными шажками, не спѣша и съ остановками, домой, стараясь безшумно, какъ воръ, и никого не будя, добратся лишь до объятій своего единственнаго друга — кровати, безмолвной свидѣтельницы его скорбныхъ думъ и тяжкихъ мукъ.

Остановившись и покачиваясь посреди комнаты между кроватками дѣтей, онъ крестить ихъ поочередно, беретъ на руки ласкающагося у его ногъ котенка Васъ-Васъ, цѣлуетъ его и осторожно кладетъ, приласкавъ, въ ноги сладко спящаго своего любимца Вани и, вздохнувъ, на ципочкахъ пробирается, лавируя между стульями, къ себѣ въ спальню.

— Ваня! — слышится дрожащій шопотъ въ тишинѣ царившей ночи, озаренной тихимъ

свѣтомъ зеленой лампадки: Ваня, зачѣмъ ты это дѣлаешь? Зачѣмъ?.. О, Боже, Боже!..

— Анечка... родная... не волнуйся... Пустяки!

— Вѣдь, дѣти растутъ, все видятъ... не хорошо это, Ваня! Не пилъ же ты раньше? Брось, Ваня! Себя губишь.. людей совѣстно... Человѣкъ, вѣдь, ты!

— Прости, Анечка... и... пойми душу мою, Аня! Истлѣваетъ она, подлая... Ничего въ ней не осталось... ничего — одно пустое мѣсто... Горе, огромное горе, Анечка, какъ море, окружило насъ.. и я тону въ немъ... и тебя тяну за собою, и ребятишекъ...

— Ахъ, Ваня, Ваня!

— Но, тсъ! Не разбуди дѣтишекъ... Упарились, шалуны, рѣзвяся, за день... Ничего — пусть живутъ... Каждой букашкѣ, Анечка, жить хочется... радость жизни познать люблю... Придетъ смерть — и вѣчная тьма окутаетъ насъ... вотъ, какъ эта осенняя ночь, Анечка...

— Ахъ, Ваня! И зачѣмъ только все это въ жизни? Такое чудовищное, страшное, невѣдомое, большое? Къ чему все это горе, страданія и муки? Зачѣмъ?!

— Тсъ... разбудишь дѣтокъ, Анечка... Брось, не думай! Думать хуже, родная, —

какъ изъ заколдованнаго круга не выйдешь, такъ и изъ думъ... Спи, Анечка! Во снѣ все забывается. Въ немъ только мы и живемъ, а въ жизни спимъ... И на душѣ, когда спишь, легче и свѣтлѣе... хорошо!

А изъ подъ одѣяла стоящей за ширмой съ порванной и выцвѣтшей обивкой кровати слышатся сдержанныя рыданія Анны Петровны.

— Не плачь, Анечка... какъ нибудь проживемъ, выростимъ ихъ. Не все же горе, — улыбнется и радость когда-нибудь...

— Нѣтъ, не улыбнется, Ваня — не вѣрится мнѣ...

— А ты повѣрь... попробуй повѣрить... Иди ко мнѣ, моя бѣдная... Я приласкаю тебя, какъ прежде — ты и повѣришь... въ радость жизни... Слышишь, Анечка?

— Тсъ... дѣтишекъ разбудишь, Ваня, — цыкаетъ Анна Петровна, развѣ можно, что ты? Вонъ ихъ сколько! Цѣлый пансионъ.

И только предательскій скрипъ расшатанной половицы выдаетъ робкое движеніе, волненіе и трепетъ отцвѣтающей, а когда-то красивой и все еще молодой женщины.

Коппель.

Борисъ Свободинъ.

Порнографія мысли.

Мы въ житейской, запутавшись, паутинѣ
[повисли]

*Съ выраженьемъ застывшаго на лицѣ торжества, —
Порнографія нашей измученной мысли
Утомила съ улыбкой и тѣнь божества.*

*Поцѣлованы пошлостью, позабытые Богомъ,
Съ идиотскимъ спокойствіемъ, не имѣя преградъ,
Точно раки, по старымъ избитымъ дорогамъ,
Мы полземъ, спотыкаяся, какъ ни странно, назадъ.*

*Признаемъ только крайности, избгаемъ шаб-
Презираемъ одежды и тѣла и души, [лона,
И подъ тѣсно хрустальнаго безшабашнаго звона
Жадно плещемся въ трази безчисленныхъ мужъ.*

*Все на свѣтѣ для насъ, господа, относительно.
Идеалы добра, не имѣя границъ,
Расползаются въ мысли больной удивительно,
Какъ огни утонувшихъ въ порокъ стомагъ.*

*Люди - боги и глупость на свѣтѣ разумна.
Но стремясь къ абсолютности Бога-Отца,
Мысль въпка больная и сердце безумное
Изъ поэта, шутя, создали паяца.*

Сем.

Леопольдъ Аксъ.

* * *

Посвящаю Е. Ф.

Вечеромъ влюбленный на песокъ морскомъ
Дорогое имя начертить носкомъ.

Ночью было бурно, и морской потокъ
Снесъ съ свои пучины золотой песокъ.

И на влажный берегъ тѣнная волна
Новая песчинки принесла со дна.

Къ полдню сталъ спокоенъ моря синій шелкъ,
И влюбленный снова на берегъ пришелъ.

И другое имя на песокъ морскомъ,
Тихо улыбаясь, начертить носкомъ.

Юрьевъ.

Борисъ Вильде.

Водные огни.

Этюдъ.

Сквозная и голубая, какъ ломкій весенній ледъ, осень. Воздухъ пахнетъ родниковой водой. Въ лужахъ небесная синь, блестя солнца и увядшіе листья.

Большая съ глубокими колеями дорога. Понижіе верстовые столбы. По обѣ стороны дороги широкія крылья полей. Надъ ржаными скирдами кругами выются вороны. Отъ земли идетъ тонкій, тонкій, едва ощутимый хрустальный звонъ, какой бываетъ только солнечной листопадной осенью.

На старомъ тарантасѣ, на которомъ когда-то ѣздили сельскіе батюшки и деревенскіе богатѣи, мы проѣхали много верств. Костлявой рыжей лошадей, прозванной „Самолетомъ“, править крѣпкій старикъ Савва, пахнуцій овчиной, ржанымъ хлѣбомъ и дымомъ избы, — запахъ избыной, ржаной Руси!

Несмотря на то, что много было тряски, часто приходилось переѣзжать черезъ большія осеннія лужи, было пріятно сидѣть въ пыльномъ тарантасѣ на душистомъ сѣнѣ, слѣдить за переходами и тонами тѣней, слушать землю и пить осенній родниковый воздухъ.

Савва везетъ меня къ русскому рубежу — Чудскому озеру, откуда видна Россія, слышно Ея дыханіе и даже въ тихіе, безвѣтренные часы доносятся съ того берега звоны сельской церковки и отголоски вечернихъ двичихъ пѣсенъ.

Савва, пережевывая кусокъ ржаного хлѣба, съ умиленіемъ говоритъ:

— Близко, ой, какъ близко, братишка, живемъ мы отъ Нея!

Я чувствую, о комъ говорить Савва, но мнѣ захотѣлось переспросить его, чтобы лишній разъ услышать слово „Россія“.

— Отъ кого это вы живете такъ близко?

— Отъ Россіи скорбницы, — поясняетъ Савва, — Она у меня изъ окна видна. А ежели, братишка, взобраться на колокольню, то и людей увидишь на той сторонѣ. Ей-Богу! — Савва чувствуетъ, что я съ большой радостью и болыю слушаю о Россіи. И онъ рассказываетъ о Ней съ удовольствіемъ, вплетая въ свои слова и грусть, и улыбку, и вздохъ.

— Мы даже перекликаемся съ тѣмъ берегомъ то! — дополняетъ Савва.

— Какъ же это вы дѣлаете? Расскажите.

— Живемъ мы, братишка, на берегу Чудского озера. Одна половина озера за болшевиками, другая за эстонскимъ народомъ. Каждое утро, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, выѣзжаютъ на озеро рыбаки. Завидимъ другъ друга, да и давай голоса подавать:

— „Ваня, это ты?“

— „Андрюшѣ почтеніе!“

— „Кланяйся Аграфенушкѣ!“

— „Низкій поклонъ бабушкѣ Настасьѣ!“

Такъ вотъ и перекликаемся.

Лошадь доплелась до придорожной березы и остановилась подъ ея золотистой сѣнью.

— Конекъ-то отдохнуть хочеть, — сказалъ Савва, — ну, и пусть отдохнетъ. Старикомъ сталъ Самолетъ-то, а раньше-то былъ, какъ вихрь. Не задарма мы его Самолетомъ прозвали.

Савва набилъ трубку крѣпкимъ эстонскимъ самогономъ.

— Когда то, при Николаѣ Александровичѣ, мы дружили съ тѣмъ берегомъ-то, и даже родственники имѣются, какъ у нихъ, такъ и у насъ. У меня тамъ дочка, Аграфена

Саввишна, замужемъ за Палькой Козловымъ. Ну, и, конечно, братишка, хочется порой съ ними перекликнуться, про ихнее житье-то узнать, чай вѣдь своя кровь. Вотъ, видишь, какъ близко живемъ отъ Россіи, — рукой подать.

Оба мы задумались. Савва пересталъ курить. На сердцѣ лежала одна дума — о Ней, о Россіи, такой ошутимой, близкой и такой далекой... такой недостижимой...

Придорожная береза осыпала насъ золотомъ своего прощальнаго осенняго убора. Крохотный листикъ упалъ на землистую сморщенную руку Саввы и былъ онъ такимъ золотисто-зоровымъ, что, казалось, застыло на немъ солнечное лобзаніе.

— Такъ вотъ и мы, братишка, какъ эти листочки, — вздохнулъ онъ тяжелымъ крестьянскимъ вздохомъ, — оторвались отъ родного дерева и кругами, кругами разлетѣлись кто куда. Очень все это прискорбно, и когда испіемъ до дна чашу нашей горечи?

Тихимъ, тихимъ, едва ошутимымъ хрустальнымъ звономъ, звенѣла листопадная земля. Пахло болотной сыростью и осеннимъ увяданіемъ. Въ недалекой рощѣ звенѣлъ топоръ, и это почему-то особенно напоминало осень. Солнце уже ушло, и только яркими платками пылали на небѣ зори. Отъ зорь на

землѣ алое озареніе и нездѣшняя ласковость, какая бываетъ въ монастырскомъ храмѣ послѣ вечерни. Мы подъѣзжали къ Чудскому озеру. Уже издали подуло на насъ свѣжестью большой воды. Промерцали кресты бѣлой церкви. Съ русской стороны дулъ вѣтеръ, — русский вѣтеръ, который пробѣгалъ по лѣсамъ, равнинамъ, дорогамъ и соломенымъ крышамъ родной земли. Далекій берегъ тонулъ въ грустныхъ осеннихъ сумеркахъ, но все-же были видны очертанія черныхъ избъ, деревьевъ, мельницы и одинокой лодки.

Россія...

Я снялъ шапку и въ глубокой тоскѣ перекрестился на далекій сумеречный берегъ. Мозгъ, сердце и душу обжигали два грустныхъ слова, оброненныхъ Саввой во время нашей дорожной бесѣды: „Россія—скорбница!“

Въ дымной избѣ Саввы пили чай и смотрѣли въ окно на Россію, и намъ было видно, какъ въ далекихъ крестьянскихъ избахъ зажигались сиротливые вечерніе огни.

Ночью я поднялся съ соломенной постели и, осторожно, не дыша, боясь разбудить Савву, опять подошелъ къ окну и смотрѣлъ въ молчаливую осеннюю ночь, стараясь отыскать огни моей Родины, но было темно и лишь шуршала листопадная земля.

В. Никифоровъ-Волгинъ.

* *
* *

*Года мои, ловящіе куранты,
Съ ироніей пробими: двадцать два.
Замѣтилъ я средь суеты едва
Слѣпого бѣга изъ шальныхъ вариантовъ.*

*Безсильности давно являясь франтомъ,
Я спрыгну вскорѣ съ земныхъ аферъ съдла,
Я — вексель, сданный въ банкъ по имени „судьба“;
Богъ милостиво сталъ моимъ жирантомъ.*

*Въ протестъ пойду за срочностью я скоро,
А тамъ: нотарій, судьи... и банкротъ —
Итогъ души нелѣпаго простора.*

*И конкурсъ сразу же и дезъ гаданій
Пошлетъ меня за ноль дурныхъ дѣяній
Въ забытьемъ тихимъ освященный вротъ.*

Юрсева.

Борисъ Таго.

Тепель.

Сказка.

Уже голубыми сумерками налилась комната и часы, такіе дряхлые, смѣшные часы съ заржавѣвшимъ маятникомъ и надписью на пыльномъ циферблатѣ „Ле рои а Парижъ“, прохрипѣли шесть, когда Одя взобрался на стулъ и сказалъ тоненько, положивъ голову на пухляя, будто перевязанныя, руки:

— Расскажите чтонибудь. Только, чтобы правду. Одя сказокъ не любитъ. Сказки, онѣ глупыя и никогда не бываютъ въ жизни. Да.

Я размѣялся.

— Откуда ты это взялъ? Смотри, философъ какой!

Мальчикъ нахмурилъ брови и сдѣлалъ лицо серьезное-серьезное, какъ у взрослыхъ.

— Одя знаетъ, мама научила. Она умная, мама. Она говорила даже, что у нея были свои лошади въ Москвѣ, цѣлыхъ три, и всѣ живыя. Только Одя не вѣритъ этому.

— Почему же? Тоже—сказка, по твоему?

— Сказка. Если — лошади, такъ зачѣмъ папа теперь у Фацера, на шоколадной фабрикѣ служитъ? Купила бы мама еще повозку и стала извозчикомъ. Они здѣсь богатые, извозчики, и сердитые...

Одя ударилъ вилкой по столу и закричалъ:

— Э, сатана!

— Замолчи, стыдно. Лучше я расскажу тебѣ чтонибудь. Такъ и быть — самую настоящую правду. Не соси пальца.

Мальчуганъ медленно вытянулъ палецъ изо рта, посмотрѣлъ на него внимательно, вздохнулъ:

— Почему онъ не карамель?

— Не знаю... Когда я былъ маленькимъ, — началъ я, — у насъ была собака Альма, большущій такой сенъ-бернаръ. Альма была такая сильная, что мы запрягали ее въ маленькую колясочку или въ сани и катались. Весело было, особенно на Рождество. Понимаешь, въ залѣ громадная, до потолка, елка, игрушки такія чудесныя, — вотъ бы тебя туда, — масса шоколаду...

— Оптовая цѣна сорокъ три марки, — перебилъ меня Одя, — а для фацерскихъ рабочихъ скидка, — только тридцать семь.

— Что?

— Скидка, говорю, — тридцать семь... Вотъ ты говоришь...

— Одишь, не ты, а вы, — сказала Нина Николаевна, стуча швейной машиной.

— Да, да... Тогда намъ тоже все безъ скидки покупали.

Мальчикъ покосился на меня недовѣрчиво.

— А гдѣ ваши папы и мамы марки брали? У нихъ тоже Ряжберъ былъ?

— Что такое?!

— Ряжберъ. Это такъ мамина мастерская называется. Кусочекъ, значить, мамы и кусокъ тети Марины.

— Тогда были рубли, настоящіе, царскіе рубли... Что же ты мнѣ мѣшаешь, пузырь? Не хочешь слушать?

— Нѣтъ, нѣтъ. Одя будетъ слушать. Только, чтобы не сказку. А я буду маминыхъ лошадей рисовать. Вотъ выдумала — лошади!

Мальчикъ презрительно фыркнулъ, взялъ карандашъ и, высунувъ языкъ, началъ рисовать на старой газетѣ лошадей, похожихъ на носороговъ.

— Честное слово, не сказка... Особенно весело было намъ на третій день Рождества. Жили мы въ уздномъ городкѣ, маленькомъ такомъ и ласковомъ — будто въ молодомъ, березовомъ лѣсу. Улицы, какъ просѣки, дома — потрескавшіеся деревья. А солнца, солнца сколько! Какъ медъ, текло оно, солнце, по зеленымъ крышамъ... Да, въ этотъ день у насъ обыкновенно собиралось цѣлое море дѣтскихъ головъ. Всѣ одиннадцать комнатъ дома моей матери...

— Одиннадцать?!—вскрикнулъ Одя, явно подозрѣвая меня во лжи. — Развѣ ваша мама была президентомъ? Только у президента столько много комнатъ.

— Не перебивай! Да, шумѣли мы какъ-то, кружились подъ музыку вокругъ елки и вдругъ подходитъ къ ней одинъ знакомый. Почтенный такой старичекъ, фракъ, какъ иконостасъ, — весь въ орденахъ. А Альма какъ прыгнетъ...

Одя поднялъ голову и процѣдилъ сквозь зубы:

— Хвастунъ! Я тоже могу фракъ взять на прокатъ. Даже автомобиль.

— Что ты выдумываешь? Почему на прокатъ? Тогда у всѣхъ было столько платья, что хоть сейчасъ магазинъ на Генриховской открывай. Хорошее было время, золотое... Ни сверхъурочныхъ тебѣ, ни скидокъ этихъ дурацкихъ; съ квартиръ не выбрасывали такъ, за здорово живешь. Хочешь служи, хочешь учишься въ гимнази, въ университетѣ. А потомъ еще...

— Ну, это вы уже... — началъ мальчикъ и запнулся. — Мама скажетъ, что такъ говорить неприлично, а только Одя думаетъ, что

вы врете. Какъ же вы учились въ уминив...
универ...

— Въ университетѣ?

— Какъ же вы тамъ учились, если вы финскаго не знаете и шведскаго? Одя такъ не хочетъ. Вы обѣщали правду рассказать, а сочиняете.

— Фу, ты Господи! Такъ вѣдь это было тамъ, въ Россіи, понимаешь, — въ Россіи. Не здѣсь, не въ Сербіи, не въ Константинополь, не на Собачьихъ островахъ, а въ Россіи. Вотъ смѣшной, право, — не вѣрить. Конечно, это очень странно, невѣроятнo даже, но ей-Богу же, такъ было, спроси у мамы.

— Было, Одикъ, было, — вздохнула Нина Николаевна, и ушла на кухню разогрѣвать уютюгъ.

— Слышишь—къ вечернѣ звонять. Какъ будто дома... Только колокола тамъ были нѣжнѣе, звонче и мотивъ другой. Динь динь, динь-динь, а потомъ — бомъ! и опять — бомъ. Мелодія хрупкая, какъ поющія капли хрустала! Ты, братъ, не понимаешь, не поймешь, а мнѣ горько. Пустынно такъ мнѣ, малышъ. И было все. Семья вся погибла... Только вотъ — эти скалы остались, грошевые часы, Финляндія, три креста. А Россія... тю-тю-тю... — Россія...

Я замолчалъ неожиданно для самого себя. Въ лучистую радость прошлаго, въ воспоминанія, такіа свѣтящіяся, что они казались уже выдумкой, ложью, — широкимъ

потоконъ хлынула горечь настоящаго, черной правдой — въ который разъ — откликнулась на душѣ, сдѣлала ее мутной, сморщенной...

Стыдась мальчугана, пытливо смотрѣвшаго на меня съ противоположнаго конца стола, я закрылъ рукой влажную щеку, улыбнулся...

— Мама говорить, что плакать стыдно, — строго сказалъ Одя.

— Я не плачу... вотъ выдумалъ. Просто засорилъ глазъ пепломъ... папиросой...

Мальчикъ прыгнулъ со стула и побѣжалъ къ матери.

— Мама, дай бензину, дядя запачкалъ глаза пепломъ папиросы...

А дядя смотрѣлъ на ярко вспыхнувшую лампочку, ловилъ въ дрожащихъ капляхъ стыдливыхъ слезъ тоненькія, разноцвѣтныя ниточки дробящихся искръ и думалъ: если бы ты зналъ, мальчикъ мой пухлый, какъ давно я уже „запачкалъ“ свои глаза, какъ давно мы, мамы, папы и дяди, не успѣвъ узнать настоящаго, засорили свои души пепломъ прошлаго, такого недавняго, такого далекаго. Того прошлаго, что — наша вина, наша вина! — было брошено въ угарный крематорій смуты... Того прошлаго, которое даже вамъ, дѣтямъ, кажется слишкомъ ужъ невѣроятной сказкой...

И. Зеньковскій.

* *
* *

Ночью зажигаются лампы

Въ темныхъ переулкахъ — фонари.

Милый... я прошу тебя, не надо,

Никогда о немъ не говори.

Пусто въ сердцѣ. Все уже не ново,

А съ тобой спокойно горевать.

Можетъ быть съ души моей оковы

Ты захочешь, ты сумъешь снять.

Не надомо, только на минутку.

Или нтъ — не надо... все равно.

За тебя мнѣ только страшно, жутко

Да на сердцѣ пусто и темно.

Хорошо съ тобой, но путь не гладокъ.

Потушили въ переулкѣ фонари.

Милый, я прошу тебя — не надо,

Никогда о немъ не говори.

Юрьевъ,

Л. Виснапу.

Русское крестьянство въ Эстоніи.

По заключенному между Эстоніей и СССР мирному договору цѣлый рядъ русскихъ деревень отошелъ къ Эстонской республикѣ и такимъ образомъ русскіе крестьяне, не имѣвшіе въ большинствѣ своемъ ничего общаго ни по характеру, ни по образу жизни съ эстонскими крестьянами, очутились въ Эстоніи.

Общинный бытъ, которымъ характеризовалась русская деревня, былъ неизвѣстенъ кореннымъ жителямъ бывшихъ Эстляндской и Лифляндской губерній. Русская деревня съ ея общиннымъ бытомъ оказалась какимъ-то анахронизмомъ среди эстонскаго крестьянства.

Послѣднее было освобождено отъ крѣпостной зависимости безъ земли, а потому естественно индивидуализировалось.

Русское же крестьянство было освобождено отъ крѣпостной зависимости съ землей и, въ цѣляхъ фиска, получило коммунальное устройство, извѣстное у русскихъ подъ именемъ «общины».

Мы не будемъ тутъ излагать pro и contra общиннаго устройства. Скажемъ только, что земельная реформа Столыпина вела къ освобожденію крестьянства отъ общинной зависимости и давала ему возможность стать полноправнымъ хозяиномъ земельного участка, допускала крестьянскую землю въ гражданскій правооборотъ и обѣщала широкій расцвѣтъ русскаго деревенскаго хозяйства.

Къ сожалѣнію, эта реформа не была доведена до конца: война остановила ее, а революція окончательно погубила.

На хуторское хозяйство перешла незначительная часть общинниковъ и въ подавляющемъ числѣ деревня осталась общинной.

Такими остались и тѣ русскіе деревни, которые перешли по мирному договору къ Эстоніи.

Разумѣется, одной изъ первыхъ работъ Эстонскаго Правительства была земельная реформа быта русской деревни и установленіе индивидуальнаго хозяйства или хуторнаго, отрубнаго хозяйства.

Хуторнымъ хозяйствомъ называется хозяйство, состоящее изъ одного земельного участка, т. е. такое, гдѣ усадебное мѣсто и пашня, сѣнокосъ и выгонъ находятся въ одномъ земельномъ кускѣ.

Отрубнымъ хозяйствомъ называется такое, которое состоитъ изъ нѣсколькихъ земельныхъ отдѣльныхъ кусковъ, отстоящихъ другъ отъ друга на нѣкоторомъ разстояніи.

Отрубы, состоящій изъ 5 кусковъ (въ Эстоніи отрубовъ, состоящихъ изъ большаго количества земельныхъ кусковъ, не встрѣчается) все-таки, сравнительно съ общиннымъ

надѣломъ — большой шагъ впередъ, т. к. обыкновенно крестьянскій надѣлъ въ общинной деревнѣ состоялъ изъ 30—35 полосъ или кусковъ земли.

Если же у крестьянина накапливалось 2—3 надѣла, то у него получалось до 100 полосъ, которыя часто отстояли другъ отъ друга на 2—4 версты.

Разумѣется, при такомъ положеніи масса времени уходила у крестьянина на переѣзды, перепряжку и т. д., пропадало драгоценное время для работы, и интенсивное хозяйство при общинномъ устройствѣ не было возможно.

Къ сожалѣнію, наши русскіе крестьяне, привыкшіе жить общиной и консервативные по существу, недоброжелательно отнеслись къ этой реформѣ, и многіе деревни въ первые годы реформы отказывались отъ разверстанія ихъ на хутора и отруба. Крестьяне опасались остаться безъ выгоновъ. Особенно опасались этого малоземельные крестьяне, которые при общинѣ имѣли возможность пользоваться общимъ выгономъ, безъ ограниченія въ количествѣ головъ скота, между тѣмъ, какъ при разверстаніи малоземельные крестьяне, получая маленькіе участки, уже не имѣли бы возможности имѣть на 1—2 гектарахъ выгона больше 1 коровы.

Затѣмъ многіе изъ состоятельныхъ крестьянъ не понимали, что при разверстаніи деревни очень цѣнно и полезно присоединять къ общинной землѣ покупную частную землю, увеличивая тѣмъ площадь дѣлимой земли. Дававшій свою покупную землю, взаменъ ея получалъ равноцѣнный кусокъ, прирѣзываемый къ основному участку давшаго землю. Только при такомъ сліяніи возможно было вырѣзать большее количество хуторныхъ хозяйствъ. Первые деревни, не пустившія въ раздѣлъ свои частныя земли, теперь каются, т. к. они разверстались только на отруба. Просидѣвъ на отрубѣ года 4—5, хозяева увидѣли, что они сдѣлали ошибку, ибо частныя земли только увеличили дробность участка. Теперь эти люди жалуются и говорятъ, что Правительство должно было бы принудительно отобрать всю землю и само ее распределить.

Это только даетъ намъ право сказать, что крестьянинъ созналъ свою ошибку, но признать себя виновнымъ не хочетъ и хочетъ свалить свою вину на кого-то другого.

Теперь реформа землеустройства идетъ къ концу.

Эта реформа, конечно, рассчитана на крѣпкаго, хорошаго работника — крестьянина. Слабый крестьянинъ погибнетъ: онъ не сможетъ существовать такъ, какъ онъ жилъ при

общинномъ устройствѣ, гдѣ во многихъ случаяхъ ему служилъ поддержкою міръ. Теперь уже замѣчается уходъ слабыхъ элементовъ изъ деревни. Тѣ, кто были привержены къ водкѣ, уже распродали свои участки, которые оказались скупленными болѣе крѣпкими крестьянами. Плохіе хозяева частью уходятъ въ городъ на фабрики и заводы.

Быть деревни въ корнѣ измѣнился и внутренно и внѣшне. Крестьянину приходится переходить къ интенсивному хозяйству, многопольному хозяйству, травосѣянію и т. д.; ему нужно заботиться о лучшей обработкѣ, знакомиться съ лучшимъ уходомъ за скотомъ — однимъ словомъ ему нужно учиться и учиться. И онъ учится и бодро идетъ впередъ, ибо иначе онъ погибнетъ и жизнь его поборетъ.

Нельзя сказать, чтобы русскій крестьянинъ показалъ себя съ худой стороны: онъ стойко борется и хорошо справляется съ выпавшей на его долю трудной задачей. Вы можете теперь увидѣть русскую деревню преобразованной: низенькія избы, вросшія въ землю хибарки отходятъ въ область преданій. Вы можете увидѣть большія хуторныя хозяйства, просторные дома въ нѣскольکو комнатъ на высокомъ каменномъ фундаментѣ, хорошихъ племенныхъ коровъ, недурныхъ лошадей. Почти въ каждой деревнѣ вы найдете просвѣтительное общество, кооперативную лавку, народный домъ съ библіотекой; деревня начинаетъ читать газеты, книги и довольно хорошо разбирается въ государственномъ хозяйствѣ,

поскольку оно касается интересовъ деревни и крестьянина; деревня пробудилась и идетъ къ новой жизни.

Пройдетъ десятокъ лѣтъ и вы не узнаете деревни.

Есть еще неумные люди, которые на русскаго крестьянина смотрятъ, какъ на дикаря, которые вообще русскихъ причисляютъ къ жителямъ Сарматіи, подразумѣвая подъ этимъ, очевидно, въ силу своей „высокой“ интеллигентности, что то низкое, некультурное.

Настало худое время для русскихъ и много имъ приходится терпѣть отъ ударовъ ослиныхъ копытъ.

Этими отзывами русскимъ смущаться нечего. Русское крестьянство дало міровыхъ гениевъ: они вознесли русскую культуру на первое мѣсто, что признано въ настоящее время и культурнымъ западомъ.

Теперь въ разсѣяніи русскіе повсюду блестяще выдержали свой экзамень и въ чуждой обстановкѣ остались не на послѣднемъ, а на первыхъ мѣстахъ.

Нашъ русскій крестьянинъ скоро покажетъ себя, ибо ему дана свобода развиваться: онъ покажетъ насколько онъ сможетъ развить свою духовную мощь и красоту, впитать самое цѣнное отъ культуры запада и, претворивъ все гениемъ русскаго народа, показать міру небывалыя достиженія и красоту русской души.

г. Нарва.

Сергѣй Кленскій

Королевъ.

Ты — мечта моя поволокая,
 Златокудрая, синеокая,
 Ты, какъ ландышъ мая, нѣжная,
 Ароматная, блоснѣжная,
 Какъ роса зари утра вешняю,
 Вся въ алмазинкахъ міра здѣшняю,
 Словно солнце ты — вся лучистая,
 Какъ родникъ лѣсной, сердцемъ чистая.
 По тебѣ тучу въ ночь безсонную
 И клянц любовь полоненную;
 Ты мечтой возшла въ душу нѣжную
 Пробудила въ ней страсть мятежную —
 И вновь скрылася въ даль безвѣстную
 Птицей вольною, поднебесною.

Ревель.

Борисъ Свободинъ.

„День Русской Культуры“ въ Детоніи.

Нарва.

Въ этомъ году Нарва тепло отпраздновала „День Русской Культуры.“ Празднество началось съ традиціоннаго богослуженія въ Преображенскомъ соборѣ. За литургіей пѣло два хора: соборный — подъ управленіемъ регента И. Челпанова и хоръ учащихся почти всѣхъ русскихъ нач. школъ въ Нарвѣ — подъ упр. учительницы Т. Виноградовой. 1 іюня соборъ былъ переполненъ. Отмѣтитъ молитвой „День Русской Культуры“ пришли учащіеся русскихъ нач. и среднихъ школъ въ сопровожденіи педагоговъ. Пришли въ соборъ со своими знаменами и русскіе скауты.

Передъ началомъ благодарственнаго молебна о дѣятеляхъ русской культуры, прот. П. Дмитровскій произнесъ большую и сильную проповѣдь о значеніи „Дня“. Въ красивой литературной формѣ, съ большой искренностью и глубиной мысли отецъ Павелъ говорилъ о стихійно-огромномъ геніи русскаго народа, о расцвѣтѣ русской науки, о служеніи русской культуры торжеству истины, красоты и правды. Попутно проповѣдникъ коснулся и души русскаго народа, горькаго настоящаго Россіи и дальнѣйшихъ ея судебъ. Проповѣдь была выслушана съ напряженнымъ вниманіемъ и произвела сильное впечатлѣніе.

Въ сослуженіи пяти священниковъ и четырехъ дьяконовъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ за дѣятелей на нивѣ русскаго просвѣщенія. За молебномъ пѣлъ сборный хоръ всѣхъ нарвск. правосл. церквей подъ управл. И. Ф. Архангельскаго. На нужды культурнаго строительства въ соборѣ былъ произведенъ тарелочный сборъ. По окончаніи молебна была провозглашена вѣчная память всѣмъ почившимъ работникамъ, творцамъ и дѣятелямъ русской культуры.

Воскресная школа при Русскомъ Христіанск. Студенч. Движеніи также тепло отмѣтила „День Русской Культуры“. Въ 3 часа дня въ помѣщеніи школы собралось около 50-ти дѣтей. Прот. П. Дмитровскій въ простой, доступной дѣтскому пониманію, формѣ была предложена бесѣда о значеніи „Дня Русской Культуры“ и отслужено краткое молебствіе. Одна изъ руководительницъ воскресной школы, О. Кюнь, прочла рассказъ Л. Толстого

„Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“. По окончаніи дѣтямъ было предложено по чашкѣ какао.

Въ 7 час. вечера въ театрѣ „Выйтлея“ состоялся актъ и спектакль. Входная дверь, залъ и сцена были украшены березками и цвѣтами. Въ разукрашенномъ фойѣ театра бойко шла продажа журнала „День Русскаго Просвѣщенія“, нагрудныхъ значковъ съ изображеніями Пушкина, Чехова и др., а также почтовыхъ открытокъ съ репродукціями картинъ русскихъ художниковъ. Задолго до начала акта залъ сталъ переполняться публикой, среди которой много было дѣтей. Директоромъ Эмигрантской гимназіи А. В. Васильевымъ была произнесена рѣчь, посвященная творцамъ русской культуры и, въ частности, великому драматургу А. Н. Островскому, пьеса котораго — „Гроза“ — была затѣмъ разыграна. Съ горькимъ сожалѣніемъ А. В. Васильевъ замѣтилъ, что такой большой день, какъ „День Русской Культуры“, не празднуется русскими людьми одновременно. По окончаніи рѣчи С. Д. Кленскимъ были оглашены привѣтственныя телеграммы ко „Дню Культуры“, полученные съ разныхъ концовъ зарубежья. Большую радость для русскихъ доставили привѣтственныя телеграммы генерала І. Тениссона и префекта г. Павіана.

Подъ режиссерствомъ А. А. Гарина съ успѣхомъ прошла пьеса А. Н. Островскаго „Гроза“. Для постановки этой сложной пьесы потребовались спеціальныя декорации, которыя хорошо были выполнены К. М. Коровайковымъ. Образы и типы Островскаго особенно удачно воплотили: А. В. Чарскій (Кулигинъ), А. И. Тригоринъ (Кудряшъ), А. А. Гаринъ (Кабановъ), Е. А. Люсина (Варвара). Удачнѣе всѣхъ провела свою большую роль А. М. Скаржинская (Катерина). Особеной силой отличалась ея игра въ послѣднемъ дѣйствіи. Впервые выступила на сценѣ г-жа Фридолинъ, которая исполненіемъ маленькой роли полусумасшедшей барыни выявила неплохіе артистическія задатки. Всеобщее одобреніе вызвала талантливая игра Н. А. Карташевой (Кабаниха).

„День Русской Культуры“ въ Нарвѣ можно считать въ этомъ году удавшимся.

Печоры.

6 лѣтъ тому назадъ въ 1924 г. въ Печорахъ была сдѣлана первая попытка осуществить идею празднованія „Дня Русскаго Просвѣщенія“, и съ тѣхъ поръ эти праздники начинаютъ устраиваться ежегодно повсюду, и съ каждымъ годомъ успѣхъ ихъ все увеличивается и качественно и количественно. Русскіе люди, не только въ Печорахъ, не только въ Эстоніи, но и въ другихъ странахъ приываютъ все больше къ тому, чтобы разъ въ году объединяться подъ знаменемъ чествованія русской культуры.

Въ этомъ году „День Русскаго Просвѣщенія“ былъ устроенъ здѣсь 15 іюня. Въ 9 час. былъ назначенъ сборъ всѣхъ шествій въ городъ, на торговую площадь. Погода, вначалѣ пасмурная, очевидно, задержала ихъ, и только къ 10 час. начинаютъ двигаться первыя колонны. Это одинъ изъ самыхъ торжественныхъ и красочныхъ моментовъ среди многихъ другихъ въ день „Русскаго праздника“. Пустая до тѣхъ поръ площадь начинается къ этому времени наполняться любопытными, группа организаторовъ хлопочетъ и даетъ послѣднія указанія по поводу порядка шествій и размѣщенія ихъ на площади. Наконецъ, раздаются голоса: „Идутъ“. Со всѣхъ улицъ начинаютъ издали показываться пестрые ряды медленно идущихъ шествій, раздаются все громче пѣсни, подъ звуки которыхъ вступаютъ на площадь. Впереди идутъ дѣти школы каждой деревни, откуда явилось шествіе; затѣмъ дѣвушки и женщины, всѣ въ сарафанахъ, а пожилыя кое-кто въ старинныхъ „кикахъ“, ковровыхъ платкахъ, съ бусами и серьгами, которыя годами лежали въ дѣдовскихъ сундукахъ. Много мужчинъ въ русскихъ костюмахъ.

Площадь сразу ожила, запестрѣла рядами, зашумѣла голосами молодежи; слышатся распоряженія руководителей; выравниваются ряды. Спусти нѣкоторое время начинается благовѣстъ монастырскихъ колоколовъ. Послѣ только что отошедшей обѣдни изъ монастыря торжественно двигается крестный ходъ во главѣ съ Преосвященнымъ епископомъ Іоанномъ, который служитъ молебенъ передъ громадной толпой народа, заполняющей теперь площадь.

По окончаніи молебна крестный ходъ направляется обратно въ монастырь, а шествія съ пѣснями начинаютъ двигаться по своему обычному маршруту къ площадкѣ сельско-хозяйственного об-ва, гдѣ долженъ происходить праздникъ. Двигаются медленно, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы не мѣшать пѣнію другихъ. Вся Псковская улица вскорѣ запружена длинной пестрой лентой народа. Густая толпа зрителей двигается по обѣимъ сторонамъ, и вся эта

тысячная масса приближается, наконецъ, къ воротамъ, на которыхъ написано „День Русскаго Просвѣщенія“.

Всѣ размѣщаются передъ открытой сценой; часть разсаживается на скамейкахъ, но большая часть публики стоитъ. На трибунѣ, рядомъ со сценой, появляется председатель печорскаго русскаго о-ва просвѣщенія М. В. Пимкинъ, который, привѣтствуя всѣхъ собравшихся и поздравляя съ праздникомъ, предлагаетъ начать его исполненіемъ государственнаго гимна. По окончаніи гимна говоритъ членъ Гос. Собранія отъ Печорскаго края В. Н. Смирновъ, призывающій русскихъ также дружно объединяться во всѣхъ своихъ общественныхъ дѣлахъ, какъ они это дѣлаютъ въ „День Русскаго Просвѣщенія“. Послѣ рѣчи русскаго національнаго секретаря С. М. Шиллинга, который говоритъ о достиженияхъ русской науки и литературы, слѣдуютъ привѣтствія отъ мѣстныхъ и заграничныхъ организаций. Около 2 час. дня начинаются музыкальныя исполненія на открытой сценѣ. Выступаютъ: вновь созданный Г. И. Афанасьевымъ великорусскій оркестръ; объединенный хоръ, организованный только въ этомъ году Н. А. Вѣхновскимъ; хоры и оркестры изъ Зѣлься; прѣхавшіе специально на праздникъ хоры изъ Сѣнно и Изборска.

Публика съ воодушевленіемъ принимаетъ пѣвцовъ и исполнителей, которые смѣняли другъ друга на сценѣ до 5 часовъ вечера.

Послѣ этого до 7 часовъ вечера продолжается дневное гулянье. Публика не довольствуется исполненіемъ со сцены: въ каждомъ углу устраиваются то хороводы, то раздается лихая плясовая, подъ которую веселятся и старъ и младъ.

Много народа толпится у лотереи, у всевозможныхъ увеселеній. Веселый смѣхъ и крикъ вызываетъ битые горшковъ съ завязанными глазами. Въ сторонѣ раздается пискъ Петрушки: эту старинную русскую забаву возобновили въ этомъ году, и передъ Петрушкою все время толпится народъ.

Къ 7 час. плацъ пустѣетъ, а къ 9 час. публика начинаетъ опять собираться на вечерній спектакль.

Подъ вечернимъ небомъ на площадкѣ набирается почти столько же народа, сколько и днемъ. Идетъ пьеса В. Крылова „Генералыша Матрена“, которую ставитъ режиссеръ Л. А. Эбергъ при участіи почти всѣхъ наличныхъ драматическихъ силъ Эстоніи, приглашенныхъ въ Печоры на этотъ спектакль. вмѣстѣ съ мѣстными любителями они дружно провели пьесу, которую публика смотрѣла съ неослабѣвающимъ интересомъ.

Успѣху способствовала также и тщательная постановка спектакля.

Коппель.

Очень торжественно былъ отпразднованъ въ Коппелѣ „День Русскаго Просвѣщенія“. Праздникъ начался дѣтскимъ утренникомъ; коппельской русской школой были поставлены живыя картины „Былое на Волгѣ“ и „Садко въ подводномъ царствѣ“, живо и съ настроеніемъ проведенныя учащимися. Затѣмъ выступилъ школьный хоръ подъ управленіемъ Б. И. Оравъ, состоялся весьма разносторонній дивертисментъ также въ исполненіи учащихся и подростковъ, выступилъ великорусскій оркестръ подъ управленіемъ Г. К. Медвѣдева. Всѣ исполнители имѣли шумный успѣхъ. Публика также горячо привѣтствовала учительницъ г-жъ Щеглову и Краснякову, проводившихъ дѣтскій утренникъ.

Вечерняя часть торжества началась съ акта, открытаго предсѣдателемъ коппельскаго просвѣтительнаго об-ва Н. А. Макаровымъ. Было произнесено нѣсколько соответствующихъ празднику рѣчей, послѣ чего состоялось выступленіе мужского хора подъ управленіемъ И. Х. Степанова. „Слышали ль вы?“, „Эй, ухнемъ“, „Во полѣ береза стояла“, „Буря“, „Дубинушка“ — вызвали шумное одобреніе публики, которая настойчиво требовала повторенія. Очень хорошо подъ конецъ была

исполнена шуточная пѣснь „Было у тещи семеро зятьевъ“.

Затѣмъ любительской труппой коппельскаго просвѣтительнаго об-ва съ настроеніемъ и въ мягкихъ тонахъ былъ проведенъ первый актъ изъ „Дни нашей жизни“ Л. Андреева — „На Воробьевыхъ горахъ“. И режиссеръ, и исполнители, и декораторы, повидимому, много поработали, чтобы такъ хорошо поставить этотъ актъ въ неприспособленныхъ коппельскихъ условіяхъ.

Въ концертномъ отдѣленіи выступили ученицы балетной студіи Е. В. Литвиновой, г-жи Соловьева и Олли и г. г. Тенно Вирони, Веретенниковъ и Верно (пѣніе); наконецъ, г. Врабець прочелъ прекрасную былинку А. Толстого „Правда“.

Залъ коппельскаго народнаго дома былъ переполненъ. У большей части публики въ петлицѣ портретъ Пушкина — значекъ, выпущенный въ этомъ году Союзомъ Русскихъ просвѣтительн. об-въ ко „Дню Просвѣщенія“. Среди публики — много некоппельскихъ жителей.

Русскій праздникъ прошелъ съ большимъ подъемомъ и оставилъ прекрасное впечатленіе.

Иевве.

Русское населеніе мѣст. Иевве также отпраздновало „День Русской Культуры“. На сценѣ были представлены „Скупой рыцарь“ А. С. Пушкина и „Юбилей“ Чехова. Режиссировалъ извѣстный нарвской публикѣ Н. Н. Чернай. Спектакль имѣлъ большой успѣхъ: зрителей собралось много. Изъ исполнителей заслужили вниманія гг. Шатровъ, который былъ хорошъ въ роли жида Соломона, Назимовъ — въ роли Альберта; въ „Юбилей“ — Зырянова въ роли Мерлушкиной и г-жа

Соловьева, которая очень понравилась публикѣ. Роль Скупого рыцаря талантливо была разыграна самимъ режиссеромъ, Н. Н. Чернай. Успѣху спектакля много способствовали вновь написанныя декорации и тщательная постановка.

Изъ всего было видно, насколько серьезно и продуманно была проведена работа и сколько труда было вложено туда режиссеромъ и участвующими.

Посадъ Черный.

29 мая Посадъ Черный праздновалъ „День Русской Культуры“. Торжество началось съ объединеннаго крестнаго хода, организованнаго священнослужителями мѣстныхъ православной и единовѣрческой церкви. Затѣмъ состоялся молебенъ, по окончаніи котораго священникъ о. П. Антоновъ въ своемъ словѣ указалъ на значеніе работы духовенства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

Съ 12 час. дня потянулись на площадь къ русскому училищу ученики изъ сосѣднихъ деревень и мѣстные учащіеся, а также ихъ

родители. Всѣ участники прошли маршемъ въ сопровожденіи духового оркестра по улицамъ, послѣ чего начались совмѣстныя гимнастическіе выступленія учащихся черновскаго, раюшскаго, тихотскаго и логозскаго училищъ подъ руководствомъ учителей Н. И. Пекарскаго и Е. И. Зоммеръ.

Въ перерывахъ между выступленіями отдѣльныхъ группъ дружно пѣлъ объединенный хоръ учащихся.

Къ 4 часамъ закончились выступленія учащихся, и толпа направилась въ народный

домъ, гдѣ назначенъ былъ актъ. Большой залъ не могъ вмѣстить всѣхъ, желавшихъ присутствовать на актѣ, и многіе стояли въ корридорѣ и на улицѣ.

Актъ открылъ инструкторъ Союза Русскихъ просвѣтительныхъ о-въ С. В. Рацевичъ, произнесшій рѣчь, посвященную „Дню Культуры, какъ празднику, объединяющему всѣхъ людей, цѣнящихъ русскую культуру.

Д-ръ С. А. Кедринскій въ своей рѣчи призывалъ сохранять чистоту русскаго языка.

З. И. Логусова напомнила о культурныхъ сокровищахъ русскаго народа, созданныхъ лучшими сынами его и призывала хранить родную культуру.

Концертное отдѣленіе акта началось выступленіемъ великорусскаго оркестра подъ управленіемъ учителя П. С. Логусова. Оркестръ, состоящій изъ 35 человекъ, большинство которыхъ — учащіеся черновскаго училища, очень удачно исполнилъ рядъ народныхъ пѣсень. Всѣ участники оркестра были одѣты въ русскіе національные костюмы.

Не менѣе живописную группу въ національныхъ костюмахъ представлялъ собою и объединенный хоръ черновскаго и логозскаго просвѣтительныхъ об-въ. Хоръ подъ управленіемъ учителя К. А. Малышева дружно и съ

большимъ подъемомъ исполнилъ нѣсколько русскихъ пѣсень. Какъ выступленію оркестра, такъ и выступленію хора публика очень много аплодировала.

Русскій танецъ „Полянка“, поставленный М. Я. Пассовой и исполненный двумя мѣстными дѣвушками подъ аккомпаниментъ великорусскаго оркестра, вызвалъ также шумное одобреніе публики.

Этимъ выступленіемъ закончился актъ, произведшій отличное впечатлѣніе не только на присутствовавшихъ на немъ русскихъ, но также и на эстонцевъ, во множествѣ собравшихся въ народный домъ.

Вечеромъ въ народномъ домѣ подъ режиссерствомъ инструктора С. В. Рацевича поставлена была пьеса Островскаго „Василиса Мелентьева“, прошедшая при полномъ сборѣ. Боярскіе костюмы для пьесы были выписаны изъ Нарвы. Инструкторомъ и нѣкоторыми членами черновскаго просвѣтительнаго об-ва были нарисованы спеціальныя декорации по эскизамъ художника Каравайкова. Въ пьесѣ была недурная сыгранность, а нѣкоторые исполнители такъ вошли въ свои роли, что трудно было повѣрить, что играютъ любители. Пьеса захватила публику и надолго останется въ памяти у жителей Посада и сосѣднихъ деревень.

Село Ямы.

„День Русскаго Просвѣщенія“ въ текущемъ году въ Верхне-Наровскомъ краѣ всколыхнулъ цѣлый рядъ селеній. Въ селеніи Ямы въ первый день Троицы празднованіе началось при широкомъ участіи всего населенія торжественнымъ молебномъ, во время котораго хоръ прекрасно исполнилъ нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній. Протоіерей А. Лебедевъ произнесъ слово о значеніи русскаго культурнаго праздника и о вредѣ пьянства, послѣ чего всѣ члены мѣстныхъ общественныхъ организацій шестіемъ въ національныхъ костюмахъ и съ пѣснями направились къ мѣсту празднованія — на Ольгину Горку.

Торжественный актъ открылся вступительнымъ словомъ предсѣдателя комитета И. М. Цвѣткова. Съ докладами и привѣтствіями

выступили: В. Никифоровъ-Волгинъ, предсѣдатель ямскаго культ.-просвѣт. кружка Ф. Г. Перчаткинъ, предсѣдатель карольскаго кружка Н. Гойдовъ и мѣстный агрономъ Н. Епифановъ. Въ промежуткахъ между рѣчами было исполнено множество русскихъ пѣсень. Потомъ учащіеся сыграли дѣтскую пьесу „Мальчикъ съ пальчикъ“. Вслѣдъ за тѣмъ начались выступленія деревенскихъ пѣвицъ и пѣвцовъ, повѣдавшихъ молодежи въ старинныхъ русскихъ пѣсняхъ о томъ, какъ въ старину жили дѣды.

Вечеромъ въ залѣ пожарнаго об-ва были поставлены двѣ пьесы — „Отъ нея всѣ качества“ Л. Толстого и „Медвѣдь“ А. Чехова. Спектакль прошелъ съ подъемомъ и обнаружилъ хорошую подготовку участниковъ.

Скарятинно.

И въ Скарятинской волости „День Русскаго Просвѣщенія“ былъ отпразднованъ въ первый день Троицы. Торжество началось съ богослуженія въ Крестъ-Ольгинской церкви, гдѣ молебенъ совершилъ настоятель храма о. А. Ратьковскій, обратившійся затѣмъ къ прихожанамъ съ краткимъ словомъ. Офици-

альный актъ былъ проведенъ въ скарятинскомъ народномъ домѣ. Съ докладомъ о „Днѣ Русскаго Просвѣщенія и его задачахъ“ выступилъ инструкторъ Союза русскихъ просвѣт. об-въ Ф. Т. Лебедевъ. „О душѣ народной пѣсни“ говорилъ Ф. Д. Васильевъ. Основнымъ моментомъ праздника была поста-

новка исторической пьесы „Русская свадьба XVI вѣка“, шедшей въ новыхъ декораціяхъ и боярскихъ костюмахъ. Учителя, участники спектакля, много поработали, и пьеса прошла

съ успѣхомъ. Особенный интересъ вызвали массовыя сцены съ плясками и пѣснями. Заль народнаго дома былъ переполненъ.

Деревня Кароль.

Во второй день Троицы „День Русскаго Просвѣщенія“ былъ отпразднованъ въ селеніи Кароль. Торжество началось актомъ, открытымъ предсѣдателемъ мѣстнаго культ. просвѣт. кружка Н. Гойдовымъ. Онъ призывалъ молодежь къ самообразованію и самовоспитанію путемъ устройства совмѣстныхъ культурныхъ развлеченій. Докладъ „О значеніи русской литературы“ прочиталъ В. Никифоровъ-Волгинъ. Предсѣдатель ямского культ.

турно просвѣтительнаго кружка „Искра“ Ф. Перчаткинъ обратился къ молодежи съ призывомъ оставить дурныя привычки — драку и пьянство, обычно сопровождающія въ деревнѣ всякія празднества, и заняться культурной работой. Наконецъ, былъ устроенъ литературный судъ по произведенію А. Чехова „Злоумышленникъ“, а затѣмъ состоялись народныя пляски.

Село Нось.

8 іюня. Колокольный перезвонъ далеко разносится по зеркальной поверхности озера. Исключительно теплый и тихій день. За крестнымъ ходомъ — огромная толпа. Мелькають сарафаны, пестрятъ русскія рубашки. Около народнаго дома, на площади, начинается молебствіе словомъ о. А. Орнатскаго, зовущаго любить русскую культуру, объединиться и быть учениками русскихъ геніевъ.

Къ 3 час. дня на большой зеленой лужайкѣ на самомъ берегу озера, именуемой здѣсь „наволокомъ“, собирается вся деревня — и старъ, и младъ.

Актъ-концертъ подъ открытымъ небомъ открывается рѣчью инструктора Союза русскихъ просвѣт. об-въ С. В. Рацевича, разъясняющаго исторію возникновенія праздника.

Къ 9 час. веч. заль народнаго дома, отремонтированный къ этому дню, начинаетъ наполняться публикой. Пьеса „Не такъ живи, какъ хочется“ Островскаго съ участіемъ женскаго хора, благодаря продолжительной подготовкѣ и хорошей срететированности молодыхъ артистовъ, вдумчиво отнесшихся къ своимъ ролямъ, производитъ благоприятное впечатлѣніе.

Новоселье.

День Русской Культуры праздновался въ Новосельи Печерскаго уѣзда въ воскресенье, 1 іюня. Крестьяне иначе этотъ праздникъ называютъ „Стариной“.

„Старина“ ежегодно празднуется и вошла въ жизнь настолько, что къ ней готовятся, какъ и къ другимъ праздникамъ.

Устраиваетъ „Старину“ просвѣтительное об-во „Ручеекъ“. Учительство трехъ школъ въ полномъ составѣ принимаетъ участіе.

Все празднество отъ начала до конца протекаетъ на открытомъ воздухѣ — нѣтъ помѣщенія, которое вмѣстило бы толпы. Немало волновались устроители, боясь ненастья, и еще раннимъ утромъ въ день праздника съ тревогой поглядывали на угрюмую, холодную тучу, занявшую полъ-неба. Она растаяла на солнцѣ. Холодный вѣтеръ ослабѣлъ и лишь небольшими шквалами налеталъ на зеленую, какъ по линейкѣ выведенную, стѣну невысокой молодой роицицы. Къ ней легкой

покатостью сбѣгаетъ лугъ, отведенный для гулянья. Въ нее врублена сцена. Она же служитъ кулисами: тамъ собрались исполнители, гримируются, готовятся къ выходамъ.

Къ двумъ часамъ дня дороги оживаютъ. Пестрыми толпами собирается народъ изъ сосѣднихъ деревень. Идутъ и ѣдутъ гости изъ дальнихъ, верстъ за 10 и болѣе.

Праздникъ открываетъ предсѣдатель о-ва „Ручеекъ“ мѣстный хуторянинъ П. С. Дубровскій. Говоритъ о значеніи праздника и роли крестьянства въ русскомъ культурномъ творчествѣ инструкторъ Союза просвѣтит. о-въ Б. К. Семеновъ. Великорусскій оркестръ и хоръ исполняютъ подъ управленіемъ учителя А. В. Барсова рядъ пьесъ. Нездоровье дирижера заставляетъ оркестръ и хоръ сократить свою программу. Они уступаютъ мѣсто гармонисту, развлекающему публику, пока готовятъ сцену къ спектаклю. Идетъ комедія Островскаго „Въ чужомъ пиру похмелье“.

Любители играютъ ее четко, увѣренно, мѣстами съ большимъ подъемомъ. Разливавшіяся въ сторонѣ пѣсни прервались. Зрители стоятъ тѣсною толпою, не пророняя ни слова. Время отъ времени взрывъ хохота и опять напряженное молчаніе.

Спектакль произвелъ большое впечатлѣніе. Исполнителей благодарятъ. Кто знаетъ

теперешнее безденежье, тотъ оцѣнить слова старика-крестьянина: „За это не 10 центовъ, а и 25 заплатить можно было бы,“...

Сцена опустѣла. Вечеръ холодный. На площадкѣ праздникъ конченъ, но народъ переносить его въ деревню Русскій Боръ. Тамъ до часу ночи гуляетъ на улицѣ молодежь: поютъ и пляшутъ, а избы полны гостей.

На рубежѣ.

Бытовые зарисовки.

Не успѣлъ пароходъ отчалить отъ пристани, какъ съ палубы раздался отчаянный крикъ высокаго парня въ „защитномъ“ пиджакѣ на голомъ тѣлѣ и резиновыхъ сапогахъ:

— Г-нъ капитанъ! Нельзя-ли пароходецъ причалить къ пристани?

— А вамъ для чего? — угрюмо отозвался капитанъ парохода,

— Мѣшокъ съ пивомъ забылъ на пристани! Папашѣ въ подарокъ везу по случаю его тезоименитства!

Капитанъ выругался, но къ пристани присталъ. Парень соскочилъ съ парохода и чуть не бултыхнулся въ воду. Взялъ забытый мѣшокъ и, позвякивая бутылками, вернулся на старое мѣсто, кивнувъ капитану:

— Большое русское размерси!

Поплыли вверхъ по Наровѣ. Съ Нарвы до села Сыронецъ дорога дальняя. Пароходъ, по чьему-то опредѣленію, ползетъ какъ вша по мокрому полотенцу.

Палуба полна мужичками, бабами, грудными ребятами, дѣвками и кавалерами. Мужички и бабы вѣрны старинкѣ и большинство одѣты въ русскія рубашки и яркія платья. Говоръ округлый, чистый и четкій. Смѣхъ здоровый, озаряющій лица.

Деревенскую дѣвушку не узнать. Она одѣта „по городски“: виртуозная шляпка, шелковые чулочки, платье до колѣнъ, напудренный носъ, пахнетъ „развѣснымъ“ одеколономъ, а подъ ногтями „трауръ“ и сморканіе первобытнымъ способомъ (рукавомъ по носу).

Дѣвочки переговаривались и хихикали, но не смѣялись яснымъ здоровымъ смѣхомъ прежней деревенской красавицы. Порокъ городской жизни звучалъ въ этомъ придушенномъ хихиканіи.

Около барышень, — теперь, Боже упаси, назвать ихъ стариннымъ, не имѣющимъ современнаго вульгарнаго смысла, словомъ „дѣвка“ — увиваются молодыми жеребчиками кавалеры. Парнями не назовешь этихъ „дѣтей природы“ облеченныхъ въ модные „спинжаки“, съ яркими

галстуками и высокими воротничками на закоптѣлой шеѣ.

Парни равняются на городъ. Въ далекое прошлое уходитъ простой, полный своеобразной прелести, старинный русскій нарядъ.

Одного „кавалера“ — раба городской моды — совсѣмъ изморило на солнцепекѣ. Одолѣли тѣсныя модныя туфли. Съ ноги на ногу переминался „кавалеръ“, морщился, наконецъ, не вытерпѣлъ, выругался крѣпкимъ словечкомъ, сѣлъ на полъ и съ остервенѣніемъ снялъ тѣсныя туфли:

— Жмутъ остроносые дьяволы, — пояснялъ кавалеръ, сплевывая въ чью-то корзину съ яйцами.

Довольный и сіяющій, ходилъ по палубѣ въ несвѣжихъ, рваныхъ, но шелковыхъ носкахъ, давно не бритый, въ воротничкѣ до подбородка и въ манжетахъ, одѣтыхъ на голыя грязныя руки.

У одного парнишки даже котелокъ былъ одѣтъ на рыжую большую голову при красной рубахѣ безъ пояса и калошахъ на босу ногу.

Прислушиваешься къ разговору деревенской молодежи и не слышишь прежняго русскаго говора, такого чистаго, наивнаго въ своей простотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ такого красиваго, нераздѣльно связаннаго съ русскими ржаными полями, омытыми утренними росами, наивными полевыми цвѣтами и задумчивыми деревенскими звуками пастушеской свирѣли.

Современная деревенская рѣчь пересыпана иностранными словечками. И больно и смѣшно было слушать важные разглагольствованія рыжаго парнишки въ котелкѣ.

— Таперича, — говорилъ онъ, — абсолютно выражаясь, весь земной круглый шаръ тернаціональна настроенъ и вообще, сколько по плоскости безсознательныхъ индивидуовъ, мало обрѣтается сознательныхъ элементовъ.

Лохматый старикъ, пропахшій селедочнымъ духомъ, разиня ротъ, слушалъ рыжаго и одобрительно кивалъ головой.

— У насъ Гаврилка какъ профессоръ. За словомъ въ карманъ не ползаетъ. Такое

словечко порой скажетъ, что на пустое брюхо и не выговоришь. Дока — парень, не даромъ по слесарной части пошелъ.

На пароходѣ картинки въ русскомъ стилѣ. На полу сидитъ пьяный.

— Куда ѣдете? — спрашиваетъ его кассирь.

— Къ женѣ Анисѣ Кинстинтиновнѣ ѣдимъ! — почему то растроганнымъ голосомъ отвѣчаетъ мужичокъ.

— Въ какую деревню-то ѣдешь?

— Въ Кріуши, кавалеръ ваше благородіе, ѣдимъ!

— Проѣхали Кріуши, дядя! Скоро Сыренецъ будетъ!

— Скажи пожалуйста; говоришь — проѣхали? Значить, воля Божья. Вези до Сырнца. У меня своякъ тамъ, Арсеній Николаевичъ.

— А ты билетъ то купилъ?

— Покупалъ.

— А гдѣ же онъ у тебя?

— Сжеваль, г-нъ размѣнный. Въ задумчивости былъ, ну и сжеваль. Много ли ему надо?

— Правда, господинъ кассиръ, — вмѣшивается какая то дѣвица — сжеваль безъ всякихъ данныхъ. Получилъ билетъ и давай его кушать. Тоже бутебротъ какой нашель!

Кассиръ машетъ рукой и уходитъ.

Около меня сидѣлъ парень и читалъ газету оригинальнымъ способомъ: „вверхъ ногами“, какъ говорятъ.

Къ парнишкѣ подходитъ дѣвица и спрашиваетъ:

— Ты что, Лексѣй, дѣлаешь?

— Читаю.

— Кто-же такъ читаетъ?

— А какъ же читать то?

— Ты поверни, да читай.

Парнишка ей въ отвѣтъ:

— Такъ всякій дуракъ прочтетъ, а ты вотъ попробуй, какъ я...

На пароходѣ познакомился съ сельскимъ батюшкой, который рассказалъ мнѣ о томъ, какъ въ Ямбургскомъ уѣздѣ нѣкоторыя деревни встрѣчали масленицу въ старину.

На дровняхъ сооружали печку. Запрягали трехъ лошадей, разводили въ печкѣ огонь, пекли блины и угощали всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ.

До Сырнца плыть долго. Мужички отъ скуки выпиваютъ. Говоръ становится гуще и все чаще и чаще уснащается крѣпкими словесами.

— Федя! — обращаются къ парню, который забылъ на пристани мѣшокъ съ пивомъ — выпей лампадочку!

Федя не заставилъ себя долго ждать и выпивалъ водку, дѣйствительно изъ лампадки.

— Хорошо бы пивца на шлифовку! — подговаривался кто-то къ Федѣ.

Не доѣзжая до Сырнца, вся водка была выпита и Федя доставалъ изъ мѣшка послѣднюю бутылку пива.

Когда на рѣку опустились сумерки, пароходъ медленно и плавно подошелъ къ пристани.

Пьяный Федя, подойдя къ борту и завидѣвъ на пристани отца, кричалъ ему, махая фуражкой:

-- Съ ангеломъ, тятя!

— Пиво-то привезъ?—спрашивалъ отецъ.

— Прости, тятя. За твое здоровье всю дюжину выпили. Ежели пустыя бутылки, то съ нашимъ удовольствіемъ.

Въ отвѣтъ раздалась съ пристани полная вычурными зигзагами отцовская ругань.

Съ русской приозерной стороны дулъ вѣтеръ.

В. Волгинъ.

Жизнь Нарвы.

Об-во „Святогоръ“.

За послѣднее время Нарва сдѣлала большіе сдвиги въ области культурнаго строительства. Гордостью русской Нарвы по справедливости можно считать созданное три года тому назадъ спортивно-просвѣтительное общество „Святогоръ“. Въ обществѣ функционируютъ слѣдующіе кружки: спортивный (предсѣдатель Н. Дмитріевъ), литературный (Никифоровъ-Волгинъ), шахматный (П. Юхновскій), религиозно-философскій (Аксеновъ), драматическій (руководитель Христофоровъ), дамскій (День).

Работа общества выражается въ организаціи спортивныхъ состязаній, лекцій, докладовъ и устройствъ „воскресниковъ“. Въ цѣляхъ культурнаго сближенія города съ деревней, общество „Святогоръ“ посылаетъ въ деревню для чтенія лекцій и устройства показательныхъ спектаклей, своихъ активныхъ работниковъ. Въ настоящее время въ о-вѣ „Святогоръ“ насчитывается около 200 членовъ. Предсѣдателемъ является извѣстный въ Эстоніи общественный дѣятель, Сергѣй Дмитріевичъ Кленскій.

Великорусскій оркестръ.

На западѣ гремитъ слава кубанскихъ и донскихъ казаковъ, своей крылатой пѣснью утѣшающихъ нашихъ русскихъ изгнанниковъ, заброшенныхъ послѣ бѣлаго похода во всѣ уголки міра.

А у насъ, радостнымъ утѣшеніемъ является популярный въ Эстоніи Великорусскій оркестръ.

Душой Великорусскаго оркестра является К. Г. Вережниковъ. Благодаря огромному музыкальному таланту ему, десять лѣтъ тому назадъ удалось изъ ничего создать, изъ дѣтей-эмигрантовъ оркестръ, которымъ можетъ гордиться вся эмиграція. Вся эмиграція не только въ Эстоніи, но и въ другихъ странахъ

нашего разселенія должна быть счастлива, что въ нашей сумеречной жизни еще сохранились люди, умѣющіе беречь русскую народную музыку, привить любовь къ ней дѣтямъ эмигрантамъ. К. Г. Вережниковъ отдалъ душу своимъ маленькимъ музыкантамъ, съ ними вмѣстѣ въ родной пѣснѣ онъ скорбитъ о Россіи, зоветъ помнить и чтить русское музыкальное творчество.

Каждый годъ Великорусскій оркестръ даетъ концертъ въ Ревелѣ, собирая огромное количество слушателей. Въ недалекомъ будущемъ, Великорусскій оркестръ намѣренъ дать рядъ концертовъ въ Ригѣ, Швециі, Германіи и др.

Композиторъ І. И. Тульчѣвъ.

Недавно исполнилось 50 лѣтъ музыкальной дѣятельности нашего извѣстнаго хормейстера и композитора І. И. Тульчѣва.

Городъ Нарва въ лицѣ общественныхъ организацій съ рѣдкой теплотой отмѣтила его славный юбилей.

І. И. Тульчѣвъ родился въ г. Вознесенскѣ, Херсонской губ. 4 апрѣля 1860 г.

Съ цѣлью усовершенствованія своего образованія І. И. Тульчѣвъ поступилъ въ 1884 году въ петербургскую консерваторію въ классъ теоріи композиціи проф. Римскаго Корсакова; курсъ консерваторіи онъ кончилъ съ большимъ успѣхомъ въ 1891 году.

Въ Нарву І. И. Тульчѣвъ прибылъ въ 1919 г., гдѣ организовалъ художественный отдѣлъ при Нарвскомъ отдѣленіи Эстонскаго Краснаго Креста и при немъ хоръ въ 125 че-

ловѣкъ.

Творческая дѣятельность его была обильна и плодотворна. Многія изъ его хоровыхъ произведеній вошли въ русскіе и эстонскіе хоровые сборники. Имъ написано болѣе 100 произведеній свѣтской и духовной музыки.

Изъ крупныхъ его произведеній слѣдуетъ отмѣтить квартетъ для струнныхъ инструментовъ *c-moll*, увертюру „Мѣдный всадникъ“ кантату въ память Пушкина, получившую первую премію Академіи Наукъ, затѣмъ имъ написана въ эскизахъ опера „Донъ Кихоть“. Юбилляръ считается знатокомъ русскихъ и украинскихъ народныхъ пѣсенъ, и многія изъ нихъ въ его обработкѣ пользуются большимъ успѣхомъ. Имъ же написаны двѣ фуги на мотивы эстонскихъ пѣсенъ.

Русскій театръ.

По инициативѣ А. Гарина и А. М. Скаржинской въ 1929 году въ Нарвѣ организованъ русскій театръ. Въ настоящее время Русскій театръ объединяетъ талантливыхъ артистовъ не разъ выступавшихъ въ Ревелѣ и отмѣченныхъ серьезными театральными критиками:

А. Скаржинскую, А. Чарскаго, Жукову, А. Круглова, Е. Люсину, А. Гарина. Въ составъ Русскаго театра входятъ также артисты не безъ дарованія: г. г. Карташева, Лерскій, Христофоровъ, А. Дурдиневскій, И. Лебедева, Карташевъ, Э. Зейлеръ, Фридолина и др.

Литературная жизнь Нарвы.

За послѣднее время у мѣстныхъ литературныхъ силъ возникаетъ мысль о созданіи въ Нарвѣ литературнаго кружка, который объединилъ-бы не только русскія литературныя силы, но и эстонскія.

Литературно-журнальной работой среди русскихъ въ Нарвѣ занимаются: С. Кленскій, Л. Аксъ, Ф. Лебедевъ, С. Рацевичъ, А. Юркановъ, В. Никифоровъ-Волгинъ, С. Сергѣевъ, О. Петрова, З. Петрова, Е. Клеверъ и др.

Книга.

„Христовы язычники“ — Владиміра Гущика

Въ этой маленькой, изяшно изданной, книгѣ вся Россія. Одинокая, святая, разбойная, сермяжная и пьяная. Въ этой книгѣ свѣтъ, краски, ароматы и величавая безпредѣльность родной земли. Прикоснуться къ этой книгѣ — прикоснуться къ ризамъ Россіи. Лаской, тепломъ и роднымъ дыханіемъ вѣять отъ ея страницъ. Въ книгѣ 21 рассказъ и на каждомъ изъ нихъ лежитъ печать вдумчиваго таланта и большого пониманія русской души, русской природы. У Владиміра Гущика много отъ А. П. Чехова. Та же акварельность рисунка, та же вечерняя грусть и то же проникновеніе въ тайны человѣческаго духа.

Книга В. Гущика не должна остаться незамѣченной. На фонѣ литературнаго торгашества, словесныхъ вывертовъ, колесованія великаго русскаго языка, и буйной поросли дешевыхъ сенсационныхъ романовъ, на нашемъ

книжномъ рынкѣ книга „Христовы язычники“, свѣтлое явленіе.

„Лялька“ — пьеса Бориса Свободина.

Русской болью, печалью по утерянной Россіи пронизана пьеса „Лялька“ изъ совѣтскаго быта, Бориса Свободина (Ревель - Коппель). Яркими, четкими штрихами обрисованы дѣйствующія лица. Пьеса сценична и написана хорошимъ литературнымъ языкомъ. Передъ зрителями проходитъ цѣлая галерея живыхъ типовъ, то свѣтлыхъ по своимъ настроеніямъ, то мрачныхъ по своему нравственному уродству. Всѣ три дѣйствія драмы „Лялька“ протекаютъ въ провинціи С. С. С. Р. въ большевицкое лихолѣтье.

Тѣмъ-же авторомъ написаны слѣдующія пьесы: „Ванда Гняздовская“, „Когда астры расцвѣтаютъ“ и др.

Погтовый ящикъ.

Рига — Л. Солнцевой: Ваша проза для нашего журнала не подойдетъ. Стихотвореніе „Россія“ глубокое по содержанию, но очень слабое по формѣ. Пришлите еще нѣсколько вещицъ, что-нибудь выберемъ и напечатаемъ.

Гапсаль — Н. К-ру: Вашъ рассказъ „Волки“ слово въ слово, за исключеніемъ Вашей фамиліи заимствованъ у Бориса Зайцева изъ его раннихъ произведеній.

Гунгербургъ — К. Недлеръ: Стихотвореніе „Узорное полотенце“ очень милое, но мало обработанное. Переделайте его немного и пришлите въ нашъ журналъ.

Ревель — О. Волконской: Стихотвореніе напечатаемъ въ слѣдующемъ номерѣ журнала, только слегка поработайте надъ послѣдними строками.

Нарва — Г. П-у: Воспѣваніями „крутыхъ бедеръ“ и

„грудей, похожихъ на арбузы“ не занимаемся. Въ стихотвореніи много цинизма и оно принято быть не можетъ.

Юрьевъ — Студенту: Благодаримъ за сердечныя пожеланія. Ваше стихотвореніе принято.

Валкъ — Движенцу: Къ православному студенческому движенію мы относимся очень сочувственно и будемъ очень рады, если Вы пришлете статью о своихъ впечатлѣніяхъ о минувшемъ създѣ въ Печерскомъ Успенскомъ монастырѣ. Нарвскій религиозно-философскій кружокъ объединяетъ вокругъ себя 24 человекъ членовъ движенія.

Тапсъ — К. Л.: Будемъ очень рады, если Вы пришлете маленький этюдъ о творчествѣ эстонскихъ писателей. Кстати, послѣдующіе номера нашего журнала будутъ по возможности знакомить русскихъ людей съ эстонской литературой.

Отвѣтственный редакторъ-издатель: Л. П. Аксъ, адресъ: Narva, Valge täp, Postimaja 36/26.

НАРВА, Юальская ул. 18, телефонъ № 146.

Парусиновыя туфли.

Сандалии.

Г. АНТИПОВЪ

Магазины модной обуви.

Шевровая обувь послѣднихъ заграничныхъ фасоновъ.

УСТЬ-НАРВА, Улица Свободы, домъ № 21.

Извѣщаю многоуважаемую мѣстную публику, что въ моемъ

магазинъ готовой обуви и кожи

имѣется ОБУВЬ разныхъ сортовъ, изготовленная по послѣдней модѣ.

Приемъ заказовъ и починки. Цѣны внѣ конкуренціи.

Надѣюсь, что многоуважаемая публика почтитъ меня своимъ вниманіемъ.

Нарва Петровская пл. 10.

Съ сов. почт. **М. ЛАРИОНОВЪ**

Магазинъ В. Мустъ

Нарва, Почтамская ул. 51.

Самый лучший выборъ.

Цѣны внѣ конкуренціи.

Sport: англійскія теннисныя ракетки, мячи Шлайзенгеръ, волейбольные, футбольные и баскетбольные мячи. Игры: **Корона** и **Фортуна**.

Чемоданы, гамаки, дѣтскіе коляски и велосипеды, какъ мужскіе, такъ и дамскіе, англійскихъ, шведскихъ и нѣмецк. фирмъ. Въ больш. выборѣ электр. матеріалы.

Извѣщаю уважаемыхъ покупателей о переводѣ своего магазина готоваго платья съ Почтамской **на Балтійскую ул. 10**, домъ Любимовой (б. маг. Леонова)

М. Х. ТИМОФЕЕВЪ

Большой выборъ **КОСТЮМОВЪ, ПАЛЬТО** и **МАТЕРИИ**

Цѣны самыя общедоступныя.

Убѣдитесь лично!

Съ сов. почт. **М. Х. Тимофеевъ.**

І. Я. ИВАНОВЪ

Оптово-розничная торговля обувью и кожев. товарами.

Нарва, Петровская пл. соб. домъ. Тел. 119.

**Въ большомъ выборѣ лѣтня парусиновая обувь
заграничныхъ фабрикъ.**

П. ВАСИЛЬЕВЪ и Ко.

Петровская пл. 7.

Телеф. 78.

**Мясная торговля
оптомъ и въ
розницу.**

„ОМЕГА“

Церковная ул. 17.

Нарва.

**Пуговичная и
чулочная
фабрика**

Часовой магазинъ

А. Апананскаго.

Германская ул. 11.

Предлагаю имѣющіеся въ большомъ
выборѣ часы всевозможныхъ
заграничныхъ фирмъ.

Золото. Серебро. Хрусталь.

Починка всевозможныхъ часовъ.

Съ сов. почт. А. Апананскій.

Вновь открытая мастерская обуви

А. Кондратьева.

Почтамская ул. 69.

Принимаю заказы на всевозможную
обувь разныхъ фасоновъ.
Спеціальность:

русскіе сапоги

хромовые и водяные.

Выполняю скоро и аккуратно.

Колоніальная торговля

А. Ф. Алексѣева

Петровская площадь 55.

**Имѣются въ продажѣ
всевозможные колоніальные
товары.**

Вниманію уважаемыхъ покупателей!

Въ Усть-Нарвѣ,

на рыночной площ., 4, въ домѣ Рооста,
вновь открыто отдѣленіе Нарвской оп-
тово-розничной мясной и колбасной тор-
говли

Ив. В. Васильева

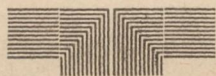
Предлагаю къ предстоящему сезону
всегда свѣжіе **мясные и колбасные
продукты** разныхъ сортовъ и наивыс-
шаго качества, а также **сыръ, масло,
яйца и консервы.** Цѣны внѣ конкур.

Ar 930P
Полевые

Нарвское Общество Взаимнаго Кредита.

Основано въ 1873 году.

Нарва, Вышгородская ул. 18,
тел. 159.

Производитъ всѣ банковскія операціи, какъ-то:
учетъ векселей, пріемъ денежныхъ суммъ
на текущій счетъ, инкассо векселей
и разныхъ документовъ и пр.

Корреспонденты

во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Эстоніи.